

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права,
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

**А. Я. Вышинский и советские доктрины
международного права.**

Глава 7.

Формирование основ доктрины международного преступления

Опубликовано:

Законодательство.

2025. № 12. С. 81–87. 2026. № 1. С. 85–94. № 2. С. 86–94. № 3. С. 87–94.

1

Первые же месяцы после вторжения войск Германии и ее сателлитов в пределы Советского Союза показали, что войны, затеваемые фашистскими государствами, имеют особый характер. Они ведутся не только против вооруженных сил, но и гражданского населения страны, подвергшейся нападению, причем захватчики действуют с особой жестокостью, превращаясь в банды убийц, истязателей и грабителей.

22 августа 1941 года член ЦК ВКП (б) Е.М. Ярославский направил первому секретарю Московского обкома и горкома ВКП (б), а также начальнику Совинформбюро А.С. Щербакову письмо, в котором сообщил, что «академик Капица предлагает создать международную комиссию по расследованию фашистских зверств из нейтральных людей, Поля де Крюи, епископа Хьюлета Джонсона, Дэвиса (б. Посла Соед. Штатов) и др. Мне кажется, это правильное предложение, которое легко было бы осуществить. Сообщения такой комиссии имели бы, несомненно, большое значение»¹.

4 сентября 1941 года в газете «Правда» появилось сообщение Совинформбюро «Фашистско-немецкие мерзавцы», в котором на основе конкретных фактов констатировалось: «Люди столетиями вели войны и были свидетелями многих ужасных злодеяний, совершенных нападающими армиями

¹ Записка М.Я. Ярославского А.С. Щербакову. 22 августа 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 111. Л. 47.

насильников. Но все эти злодеяния, пережитые людьми за многие сотни лет, — меркнут перед кровавой «деятельностью» диких зверей — гитлеровских преступников, фашистско-немецких мерзавцев. Полчища взбесившихся и опьяневших от крови гитлеровских гадов творят чудовищные преступления в захваченных ими районах»². Предварительный вариант данного сообщения завершался заявлением: «Весь советский народ клянется кровью замученных немецко-фашистскими мерзавцами советских граждан — не давать никакой пощады кровавым гитлеровским бандитам». Сталин, читая его текст, приписал карандашом к этому заявлению слова, ставшие лозунгом нашего народа в Отечественной войне с нацистской Европой: «Смерть за смерть! Кровь за кровь!»³.

8 сентября 1941 года П.Л. Капица обратился к руководству Советского государства со следующим письмом: «Товарищ Сталин, чтобы дать почувствовать всем порядочным людям мира, какие зверства учиняют фашисты, очень было бы хорошо организовать в Москве интернациональную следственную комиссию. Члены комиссии должны быть преимущественно общественные деятели всех взглядов и положений, имеющие достаточную известность»⁴. Далее академик Капица называл имена таких деятелей. Сталин поручил наркому иностранных дел Молотову встретиться с Капицей, и такая встреча состоялась. В правой верхней части приведенного документа стоит пометка: «Говорил с Капицей 15/IX» и подпись Молотова.

С этого времени начался системный и целенаправленный сбор фактов и документов о преступлениях фашистских завоевателей по отношению к мирному населению и военнопленным. Данные преступления имели международный характер: они были опасны для человечности и человечества. Академик Капица это понял и поэтому предложил вынести проблемы, связанные с такими преступлениями, на международный уровень.

Подписанная в Вашингтоне в первые дни 1942 года Декларация Объединенных Наций была довольно краткой. Ее составители стремились

² Фашистско-немецкие мерзавцы // Правда. 1941. № 245 (8853). 4 января. С. 1.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 490. Л. 7.

⁴ Письмо академика АН СССР П.Л. Капицы И.В. Сталину. 8 сентября 1941 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 540. Л. 1.

сформировать как можно более широкий фронт борьбы с Германией, Италией, Японией, поэтому предусмотрели в этом документе лишь такие обязательства, без которых невозможно было создать предназначенный для этой цели военно-политический союз.

Тем не менее в текст декларации вошли некоторые положения, которые явно выходили за рамки данного узко-прагматичного предназначения. Стремление союзников к полной победе над фашистскими государствами связывалось в декларации с необходимостью обеспечить защиту жизни, свободы, независимости и рели-гиозной свободы, а также сохранить права человека и справедливость, причем не только в их собственных странах, но и в других. А это предполагало создание новых институтов уголовного и уголовно-процессуального права — как внутригосударственных, так и международных.

Уинстон Черчилль, ознакомившись с фактами массовых преступлений, совершавшихся немецко-фашистскими агрессорами на территории СССР, уже в первые месяцы после нападения Германии на нашу страну сделал вывод о необычном характере этих преступлений, не позволявшем отнести их к таким категориям преступных деяний, которые предусматривались уголовным законодательством той или иной страны.

Выступая 24 августа 1941 года по лондонскому радио британский премьер-министр говорил: «Русские сражаются с великолепной самоотверженностью; более того, наши генералы, побывавшие на российской линии фронта, с восхищением отмечают эффективность их военной организации и превосходство их оснащения. Агрессор удивлен, ошарашен, ошеломлен. Впервые в его практике массовое убийство стало невыгодным. Он мстит самыми ужасными жестокостями. По мере продвижения его армий уничтожаются целые районы. Десятки тысяч — буквально десятки тысяч — хладнокровных казней совершаются немецкими полицейскими подразделениями в отношении русских патриотов, защищающих свою родную землю. Со времен монгольского нашествия на Европу в XVI веке⁵ никогда не было методичной, безжалостной бойни такого масштаба или приблизительно такого масштаба. И это только начало. Голод и эпидемии еще не

⁵ Монгольское нашествие в Европу датируется историками концом 30-х — началом 40-х гг. XIII в.

следовали по кровавым колеям гитлеровских танков. **Мы имеем дело с преступлением без названия**»⁶ (выделено мной. — В.Т.).

На необычный по массовости и жестокости характер преступлений, совершавшихся фашистскими агрессорами на территории СССР, советское руководство обратило внимание в первые же дни Великой Отечественной войны. Неслучайно Сталин в своей речи 3 июля 1941 года заявил: «Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР».

25 ноября 1941 года Молотов направил всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения, ноту, в которой сообщил о фактах, свидетельствовавших о жестоких и систематических расправах германских военнослужащих над пленными солдатами и командирами Красной Армии. «За последнее время, — отметил нарком иностранных дел, — эти факты стали особенно многочисленны и приняли особенно вопиющий характер, разоблачая тем самым ещё раз германскую военщину и германское правительство, как банду насильников, не считающихся ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали»⁷.

Формирование широкого антифашистского военно-политического союза, начало которому было положено принятием в начале января 1942 года «Декларации Объединенных Наций», означало, что на мировой арене появилась международная сила, способная не только разгромить блок фашистских государств, но и наказать организаторов многочисленных и ужасных

⁶ «The Russians fight with magnificent devotion; not only that, our generals who have visited the Russian front line report with admiration the efficiency of their military organization and the excellence of their equipment. The aggressor is surprised, startled, staggered. For the first time in his experience mass murder has become unprofitable. He retaliates by the most frightful cruelties. As his armies advance, whole districts are being exterminated. Scores of thousands—literally scores of thousands—of executions in cold blood are being perpetrated by the German police-troops upon the Russian patriots who defend their native soil. Since the Mongol invasions of Europe in the sixteenth century, there has never been methodical, merciless butchery on such a scale, or approaching such a scale. And this is but the beginning. Famine and pestilence have yet to follow in the bloody ruts of Hitler's tanks. **We are in the presence of a crime without a name**» (Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963. Vol. 6. 1935–1942. New York-London, 1974. P. 6474).

⁷ Нота народного комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных». 25 ноября 1941 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Том 1. 22-е июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. М., 1944. С. 162.

преступлений, совершавшихся на оккупированных фашистами территориях. Сообщения советского правительства об этих преступлениях, рассылавшиеся по иностранным представительствам, приобретали в связи с этим дополнительный вес.

6 января 1942 года В.М. Молотов направил всем послам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения ноту «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях». В ее содержании появились новые мотивы: это были первые попытки показать особенности преступных действий, позволяющие установить их сущность и определить характер уголовной ответственности за их совершение. «Непререкаемые факты свидетельствуют, — отмечалось в ноте, — что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сёл и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определённую систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии, среди офицеров и солдат, самые низменные, зверские инстинкты»⁸ (выделено мной. — В.Т.).

В заключительной части ноты от 6 января 1942 года содержался еще один юридически значимый вывод: «Гитлеровское правительство Германии, вероломно напавшее на Советский Союз, не считается в войне ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали. Оно ведёт войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем самым свою подлую, разбойничью сущность»⁹.

Приведенные в ноте советского правительства от 6 января 1942 года многочисленные факты ужасающих преступлений немецких военнослужащих в отношении гражданского населения заставляли задуматься о равноценном наказании преступников. И в ноте было заявлено, что «советское правительство и его органы ведут подробный учёт всех этих злодейских преступлений

⁸ Нота народного комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях». 6 января 1942 г. // Там же. С. 172.

⁹ Там же. С. 188.

гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьётся возмездия»¹⁰.

Формально все преступные деяния иностранцев, совершаемые на территории другой страны, подпадают под действие ее уголовных законов. И если эти преступления единичные, то национального законодательства вполне достаточно для определения меры ответственности. Но массовые и тем более жестокие преступления иностранцев на территории той или иной страны — будь это военнослужащие вторгнувшейся в ее пределы вражеской армии или просто мигранты — имеют значительно более сложную юридическую природу. Объектом посягательства при такого рода преступлениях являются не только личность, имущество, честь и достоинство людей этой страны, но и отношения между народами, межгосударственные отношения, международный правопорядок — все, что составляет **основы международного общения**. А если преступления выражаются в поступках, свидетельствующих о полной утрате преступником человеческих качеств, и проявляются в особо жестоких действиях, причиняющих жертвам неимоверные мучения, чрезвычайные страдания, то очевидно, есть основания считать, что подобные преступления посягают на такое состояние отношений между людьми, как **человечность**, то есть на коренные устои такой общности, как **человечество** в целом. В любом случае национального законодательства для борьбы с преступлениями столь сложной юридической природы недостаточно, поскольку они относятся к категории **международных преступлений**. Наказания за эти преступления должны также носить международный характер, поскольку их цель — не только возмездие преступникам за злодеяния, но и восстановление надлежащих отношений между народами.

Однако сложившаяся в международном праве к началу Второй мировой войны юридическая конструкция международного преступления носила слишком примитивный характер. Под международным преступлением понималось преступное действие, совершенное на территории нескольких государств, или просто предусмотренное международной конвенцией¹¹. Факты

¹⁰ Там же. С. 172.

¹¹ См. об этом: *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1944. С. 23–35.

ужасающих по своей бесчеловечности и массовости преступлений фашистских захватчиков, совершенных в отношении гражданского населения Советского государства, убедительно доказывали, что довоенная юридическая конструкция международного преступления абсолютно оторвана от действительности и бесполезна. Необходима была новая юридическая модель международного преступления, в полной мере соответствующая той жестокой реальности, которая обнаружилась в действиях фашистских агрессоров после нападения Германии и ее сателлитов на СССР.

Одна из основных особенностей этой реальности заключалась в том, что инициатором и главным орудием массовых и жестоких преступлений против гражданского населения являлось государство Германского рейха. Весь правящий слой Германии превратился в **опасную для человечества организованную преступную группировку.**

Разработка новой юридической конструкции международного преступления шла в нашей стране с конца 1941 года не только в юридической науке, но и во внешнеполитической деятельности Наркомата иностранных дел СССР. Первостепенное значение в такой работе имели составлявшиеся в рамках этого ведомства ноты о преступлениях фашистских захватчиков. Содержание и стиль этих документов дают основания полагать, что в их составлении принимали участие и юристы. Нарком иностранных дел В.М. Молотов, от имени которого выходили указанные ноты, не имел юридического образования. Но известно, что ноты о преступлениях фашистских орд на территории Советского Союза передавались в иностранные посольства, через первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского. Все эти посольства до лета 1943 года, как и аппарат Наркомата иностранных дел, которым руководил Вышинский, находились в городе Куйбышеве.

Андрей Януарьевич еще за четыре года до начала Великой Отечественной войны высказывал мысль о необходимости разрабатывать проблемы международного преступления. В предисловии к книге А.Н. Трайнина «Защита мира и уголовный закон», вышедшей в 1937 году, он задавал вопрос: «Не утопичной ли является задача создания международного уголовного кодекса или, по крайней мере, утверждение какой-либо системы интернациональных преступлений, т. е. преступлений, требующих совместного, согласованного, единодушного, обязательного для всех международного реагирования в целях

борьбы с ними и преодоления их? Не утопичной ли является задача создания такой системы в условиях нынешних международных отношений, насыщенных электричеством поднимающейся военной бури, напряженных до предела, подогреваемых хищными вождениями всяких международных разбойников?»¹². Его ответ был следующим: «Несмотря, действительно, на чрезвычайные трудности международной обстановки, несмотря на разброд в рядах сторонников идеи международного уголовного кодекса, на попытки – упорные и длительные попытки – значительной части буржуазных юристов помешать привлечению уголовно-правовых средств к участию в борьбе за мир, несмотря, наконец, на упорные старания реакционных и, в первую очередь, фашистских юристов, исполняющих волю своих хозяев, подменить борьбу за мир борьбой против демократии, против коммунизма и следовательно, и против мира, уголовный закон должен быть поставлен на страже мира, должен быть мобилизован против войны и против поджигателей войны»¹³.

27 апреля 1942 года Молотова направил всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». Текст этого документа был довольно объемным: напечатанный типографским способом, он насчитывал 26 страниц¹⁴. Но главной его особенностью была попытка выделить на основе многочисленных фактов злодеяний фашистских захватчиков на территории СССР юридические признаки международного преступления.

Нота начиналась с заявления о поступлении в распоряжение советского правительства множества новых материалов и сообщений о том, что

¹² *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон / Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. М., 1937. С. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Нота народного комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». 27 апреля 1942 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. П. 8. Д. 75. Л. 2–14об. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Том 1. С. 200–235. Также см. издание этой ноты отделом пропаганды и агитации Вологодского Обкома ВКП(б) в виде брошюры объемом в 32 страницы: Вологда, 1942.

«гитлеровские захватчики производят повсеместное ограбление и прямое истребление советского населения, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, ни перед какой жестокостью и насилием на территориях, которые они временно занимали или ещё продолжают занимать»¹⁵. Напомнив, что советское правитель-ство уже обращало внимание на то, что эти злодеяния не являются случайными эксцессами отдельных недисциплинированных воинских частей, отдельных германских офицеров и солдат, нота сообщила: «В настоящее время Советское Правительство располагает недавно захваченными в штабах разгромленных германских частей документами, из которых явствует, что чинимые немецко-фашистской армией кровавые преступления и зверства совершаются ею в соответствии с **тщательно составленными и разработанными до деталей планами германского правительства и приказами германского командования**»¹⁶.

После этого вывода в ноте приводился четкий перечень видов преступных действий, совершавшихся фашистскими захватчиками на территории нашей страны. При этом субъектами преступлений назывались не только немецкие военнослужащие, но также правительство Германии и его пособники.

«Эти планы и приказы германских захватчиков-империалистов, — отмечалось в ноте, — предусматривают:

всеобщее ограбление населения нашей страны, как в городах, так и в деревнях, с захватом и вывозом в Германию личного имущества советских граждан и собственности советского государства;

полное разрушение городов и деревень, из которых гитлеровцы вынуждены отступать под ударами вооружённых сил Советского Союза;

захват земли, переданной советским государством в вечное и бесплатное пользование колхозов, — в руки германских оккупантов и насаждение на захваченной земле германских «управляющих» и германских помещиков;

рабско-крепостнический труд и кабалу для наших рабочих и крестьян под господством германских захватчиков-империалистов;

насильственный увод в Германию на принудительные работы нескольких миллионов советских граждан — городских и сельских жителей, с незаконным зачислением их в разряд «военнопленных»;

¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 8. Д. 75. Л. 2

¹⁶ Там же.

ликвидацию русской национальной культуры и национальных культур народов Советского Союза с насильственным онемечиванием русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латвийцев, эстонцев и других народов СССР;

истребление советского населения, военнопленных и партизан путём кровавого насилия, пыток, казней и массовых убийств советских граждан, независимо от их национальности, социального положения, пола и возраста»¹⁷.

Приведенные названия преступных действий представляли собой *первое выражение в официальном документе основных элементов советской доктрины международного преступления.*

Позднее описанные в ноте советского правительства от 27 апреля 1942 года преступные деяния германских захватчиков будут обозначаться термином **«геноцид»**. Данный термин ввел в оборот наш бывший соотечественник — американский правовед Рафаэль Лемкин¹⁸. В книге «Правление государств Оси в оккупированной Европе», изданной в Вашингтоне в 1944 году, он писал: «Это новое слово, придуманное автором для обозначения старой практики в ее современном развитии, образовано от древнегреческого слова *genos* (раса, племя) и латинского *cide* (убийство), что соответствует по своему образованию таким словам, как тираноубийство, гомицид, детоубийство и т.д. Вообще говоря, геноцид не обязательно означает немедленное уничтожение нации, за исключением случаев, когда оно осуществляется путем массовых убийств всех членов нации. Он означает скорее скоординированный план различных действий, направленных на разрушение основ жизни национальных групп, с целью уничтожения самих групп. Целями такого плана было бы разрушение (*disintegration*) политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и экономического существования национальных групп, а также уничтожение (*destruction*) личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни отдельных лиц, принадлежащих к таким группам. Геноцид направлен против национальной группы как целого, а соответствующие действия направлены против отдельных лиц не в их личном качестве, а как членов национальной группы... Геноцид состоит из двух этапов: первый —

¹⁷ Там же. Л. 2—2об.

¹⁸ Рафаэль Лемкин (*Raphael Lemkin*) родился в 1900 г. в деревне Безводно Волковысского уезда Гродненской губернии Российской империи. С 1941 г. он жил и работал в США. Умер в Нью-Йорке в 1959 г.

разрушение национального уклада угнетенной группы; второй – навязывание национального уклада угнетателя»¹⁹.

Отмеченные Рафаэлем Лемкиным признаки геноцида – в том числе ликвидация национальной культуры и навязывание населению на оккупированных территориях национального уклада угнетателя – были названы в ноте советского правительства от 27 апреля 1942 года. Причем описание преступных действий, направленных на разрушение национальной культуры, сопровождалось в этом документе выдержками из нормативных актов, изданных германским правительством и военным командованием. В ноте сообщалось, например, что «в известном приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау содержался прямой призыв к актам вандализма со стороны германской армии, которой внушалось, что “никакие, исторические или художественные ценности на востоке не имеют значения”. В приказе № 0973/41 командующий германской 17 армией генерал Хот требует от своих подчиненных полного усвоения типичной для тупоголовых фашистов человеконенавистнической идейки о том, что “здоровое чувство мести и отвращения ко всему русскому должно не подавляться у солдат, а, напротив, всячески поощряться”»²⁰.

Текст рассматриваемой ноты завершался заявлением: «Гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершённые против народов СССР и против всех свобододлюбивых народов»²¹.

Выступая с таким заявлением Советское правительство имело в виду не только разгром германского вермахта и ликвидацию нацистского государства в Германии, но также привлечение тех, кто творил описанные в ноте преступления, к уголовной ответственности по суду. Однако для этого необходимо было предпринять целый комплекс специальных мер, как внутри страны, так и на международной арене.

2

Ноты Наркомата иностранных дел СССР о массовых и жестоких преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории,

¹⁹ Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation. Analysis of Government. Proposals for Redress. Washington, 1944. P. 79.

²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 8. Д. 75. Л. 8об.

²¹ Там же. Л. 14об.

направлявшиеся с осени 1941 года иностранным государствам, которые сохраняли дипломатические отношения с нашей страной, опирались на широкий массив фактов, специально задокументированных так, чтобы их можно было представить на судебных процессы как доказательства. Злодеяния немецко-фашистских захватчиков фиксировались в специальных актах и протоколах, составлявшихся сотрудниками управлений внутренних дел, описывались в свидетельских показаниях и письмах местных жителей, отражались корреспондентами в газетных очерках. Для упорядочения сбора сведений об этих ужасающих преступлениях были изданы соответствующие инструкции.

Так, 16 декабря 1941 года Наркомат внутренних дел Украины выпустил директиву, в которой городским и районным аппаратам НКВД было дано распоряжение «выявлять и по возможности обязательно документировать (путем опроса очевидцев и пострадавших, фотографирования, составления актов и т.п.) все наиболее характерные факты зверств, разбоя, насилия, грабежа, имевшие место со стороны фашистских оккупантов»²².

18 февраля 1942 года НКВД СССР издал инструкцию «О задачах и постановке оперативно-чекистской работы на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР», в котором наркомам внутренних дел республик и начальникам местных управлений НКВД было предписано «организовать изъятие документов, характеризующих деятельность оккупантов на временно захваченной ими территории (обращения, листовки, приказы, распоряжения, образцы пропусков, расписок, печатей, штампов и др.)»²³. Согласно указанной инструкции, по мере накопления материалов о преступлениях, но не реже одного раза в декаду руководители органов внутренних дел были обязаны представлять в НКВД СССР по каждому освобожденному от оккупантов городу-району докладные записки со следующей информацией о положении в городе (районе) при оккупантах: «а) режим, установленный немцами: система регистрации и учета населения, пропуска на право передвижения в прифронтовой полосе и в

²² Из директивы НКВД УССР № 33881/СВ о формировании и работе органов НКВД на освобожденной от противника территории. 16 декабря 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября—31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 430.

²³ Из указания НКВД СССР № 64 «О задачах и постановке оперативно-чекистской работы на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР». 18 февраля 1942 г. // Там же. Том 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». 1 января—30 июня 1942 года. М., 2003. С. 132.

тылу германской армии, порядок получения пропусков и различного рода документов; б) наиболее яркие факты насилия, грабежа и зверства, которые чинились немцами над местным населением, произведенных ими разрушений исторических, художественных ценностей и культурных учреждений. Конкретно указывать количество разрушенных и сожженных домов из общего количества домов в отдельных селах и городах, культурных, медицинских и общественных учреждений»²⁴.

25 февраля 1942 года приказом заместителя наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглова № 057 была утверждена обращенная ко всем организациям, предприятиям и отдельным гражданам инструкция «О порядке собирания, учета и хранения документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей в оккупированных ими советских районах», в которой объявлялось: «Все документальные материалы (акты, кино и фотосъемки, различного рода письма, свидетельские показания, дневники, записки, плакаты, печатные издания, допросы пленных, разговоры по проводу, радио, приказы и распоряжения фашистского командования, зафиксированные в любой форме и т.п.), отражающие зверства, насилия, грабежи, разрушения памятников национальной культуры, учиняемые фашистскими оккупантами на временно занятой территории Советского Союза или учиняемые путем диверсий и бомбардировок, подлежат после их составления немедленной передаче в подлинниках соответствующим отделам государственных архивов НКВД-УНКВД»²⁵.

Сведения, собранные в порядке, установленном данными инструкциями, относились большей частью к преступлениям, которые совершали по отношению к гражданскому населению России, Белоруссии, Украины обычные военнослужащие Германии и ее сателлитов. Но массовый, системный характер этих преступлений, их запредельная жестокость, особенно по отношению к женщинам и детям, неистовое стремление солдат, офицеров и генералов германского вермахта не просто убивать мирных людей, а подвергать их самым жестоким истязаниям показывали, что завоевывать нашу страну с запада из Европы пришли не воины, а толпы патологических убийц, насильников,

²⁴ Там же. С. 135.

²⁵ http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/warcriminals.htm (Дата обращения – 07.11.2025)

грабителей, не способных придерживаться даже простейших правил поведения, принятых в цивилизованном обществе.

Вооруженное нападение Германии на Советский Союз превратилось по сути в мятеж против человечности и человечества.

В своем известном трактате о праве народов, опубликованном впервые в 1758 году, швейцарский философ и правовед Эмер де Ваттель писал: «Если нация вследствие своего поведения и проводимой ею политики становится явно опасной, если никакое право для нее не священно, то дело спасения человеческого рода требует, чтобы такая нация была наказана»²⁶. Но как, по мнению швейцарца, могло быть исполнено наказание такой «преступной», по его выражению, нации? На этот вопрос Ваттель ответить не смог. «Если какая-либо нация, — утверждал он, — открыто попирает справедливость, презирая и нарушая права других, то высший интерес безопасности человеческого общества дает другим нациям право объединиться для отпора и для наказания такой нации»²⁷. Из этого высказывания неясно, что же все-таки должны были сделать объединившиеся нации с «преступной нацией», когда одержат над ней военную победу.

В апреле 1942 года, когда завершилась первая крупная битва Второй мировой войны, проходившая с конца сентября 1941 года на подступах к Москве, и стоявшие здесь германские войска были разгромлены и отброшены от Москвы, возник точно такой же вопрос. Война могла еще продолжаться несколько лет, но участь фашистского германского рейха была предрешена, его поражение от объединенных наций было неизбежным. Поэтому и в Москве, и в Вашингтоне, и в Лондоне, пока еще приглушенно, звучало: *что делать с Германией и немцами — государством и нацией*, ставшими в руках правящей группировки нацистов орудиями ужасающих преступлений? *Какую ответственность это государство и эта нация должны понести за свои бесчеловечные преступления?*

По окончании Первой мировой войны некоторые европейские политики и правоведы высказывали мнение о том, что государства, как и физические лица, должны подлежать не только политической и имущественной ответственности, но также уголовной. Проект международного уголовного кодекса, разработанный в

²⁶ Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 253.

²⁷ Там же.

1929 году²⁸, прямо предусматривал, что государство может быть признано виновным в совершении международного преступления и к нему допустимо применение уголовного наказания. Однако советские правоведы считали невозможным привлечение государства к уголовной ответственности, то есть судопроизводство над государством и назначение ему уголовного наказания. Такое мнение было явно преобладающим и среди европейских юристов.

В начале апреля 1942 года нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов поручил своему первому заместителю изучить с международно-правовой точки зрения вопрос об ответственности фашистской Германии за преступления, совершенные по отношению к гражданскому населению СССР, и в том числе о компенсации ущерба, причиненного действиями германского правительства нашей стране. Рассмотрение этого вопроса закономерно выводило на проблему сущности международного преступления.

А.Я. Вышинский возглавлял юридическую комиссию, учрежденную при СНК СССР 22 июня 1941 года, и давно занимался темой преступлений немецко-фашистских агрессоров. Достоверно известно, что именно он составил проект ноты «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», изданной от имени В.М. Молотова 25 ноября 1941 года²⁹.

16 апреля 1942 года Вышинский обратился за помощью к тогдашнему директору Института государства и права АН СССР И.П. Трайнину³⁰, а также к его однофамильцу — сотруднику данного института А.Н. Трайнину³¹, попросив их выяснить, как в прошлом решался вопрос о возмещении материального ущерба по мирным договорам, в частности, согласно Версальскому договору после Первой мировой войны.

²⁸ См.: Проект международного уголовного кодекса // Рабочий суд. 1929. № 17-18 (сентябрь). Стб. 1231-1235.

²⁹ См.: Проект циркулярной ноты Советского правительства о зверствах германских властей в отношении советских военнопленных (подготовлен заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским). 22 ноября 1941 г. // АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 3, д. 24, л. 22-29. На первом листе этого документа в правом верхнем углу написано: "Принято по ВЧ из г. Куйбышева. 22 ноября 1941 г."

³⁰ Письмо Вышинского Андрея Януарьевича (академик) И.П. Трайнину. 16.04.1942 г. // Архив Российской академии наук (далее: АРАН). Ф. 586. Оп. 4. Д. 6. Л. 1-3.

³¹ А.Н. Трайнин в то время находился, как и другие сотрудники Института государства и права, в эвакуации — в г. Ташкенте.

Арон Наумович и Андрей Януарьевич были одногодками и вместе преподавали в Московском государственном университете, в первой половине 1920-х годов на факультете общественных наук, где Трайнин читал лекции по уголовному праву, а Вышинский — по истории XIX—XX веков на факультете общественных наук, а во второй половине этого десятилетия — уже на факультете советского права Вышинский вел курс уголовного процесса, а Трайнин, как и прежде, по уголовному праву. После вступления СССР в 1934 году в Лигу Наций А.Н. Трайнин занялся изучением темы международного уголовного права.

А.Н. Трайнин, как и А.Я. Вышинский, отрицательно относился к попыткам некоторых советских правоведов создать особый, социалистический вариант международного права — так называемое международное право переходного периода, полагая, что международное право должно быть общим для всех государств, в противном случае оно перестает быть международным.

Осенью 1935 года под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского вышла первая книга А.Н. Трайнина по международному уголовному праву “Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран”. В появившейся через два года книге “Защита мира и уголовный закон” (также под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского) А.Н. Трайнин подробно проанализировал статью 16 Устава Лиги Наций, предусматривавшую принятие мер воздействия против государства — члена Лиги, если оно прибегает к войне. Согласно данной статье государство-агрессор должно было считаться совершившим акт войны против всех других членов Лиги, в связи с чем последние обязывались «немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, запретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства». На примере этой статьи Трайнин показал, что криминализация ответственности государства за международные преступления не только противоречит его сущности, но и не способствует защите мира.

В юридической литературе высказывается мнение, что именно с этих произведений А.Н. Трайнина началась разработка советской доктрины между-

народного преступления³². Но сам Арон Наумович считал, что истинное понимание того, какой должна быть юридическая конструкция международного преступления, могло прийти лишь во время Великой Отечественной войны. В книге «Уголовная ответственность гитлеровцев», изданной в 1944 году под редакцией А.Я. Вышинского, он отмечал: «Система чудовищных злодеяний, характеризующая гитлеровские методы ведения войны, раскрыла перед миром бесплодность и беспомощность формальных конструкций международного преступления, формальных построений довоенной юриспруденции. Понятие международного преступления и борьба с международными преступлениями должны ныне строиться на основании опыта Отечественной войны, на принципах, проникнутых реальной заботой об укреплении мирного сотрудничества народов»³³.

Начальные основания советской доктрины международного преступления были заложены нотами Наркомата иностранных дел СССР о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на советской территории от 25 ноября 1941 года, 6 января и 27 апреля 1942 года. В названиях первых двух нот ответственность за преступления возлагалась на «германские власти»³⁴. Название третьей ноты содержало слова «об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

В текстах этих документов приводилось довольно большое количество фактов, заставлявших сделать вывод о том, что германский вермахт буквально с первых дней вторжения в пределы СССР осуществлял здесь заранее спланированную, системную преступную политику уничтожения гражданского населения. О том, что данная политика направлялась из Берлина свидетельствовал не только сам характер преступлений, но также

³² «Это исследование положило начало разработке понятия международного преступления и ответственности за него», — так оценила книгу «Уголовная интервенция» ученица ее автора Нинель Федоровна Кузнецова (*Кузнецова Н.Ф., Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 10*).

³³ *Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1944. С. 29.*

³⁴ Нота от 25 ноября 1941 г. имела название «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных». Ноте от 6 января 1942 г. было дано название «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях».

многочисленные документы, захваченные во время наступательных операций наших войск в немецких армейских штабах. Они использовались при составлении текстов вышеуказанных нот.

Несколько документов подобного рода хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации подготовительных материалов, которые были собраны к середине апреля 1942 года для составления ноты Наркомата иностранных дел о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях СССР. Это, например, датированная 1 июня 1941 года инструкция уполномоченного по заготовкам сельскохозяйственной продукции для нужд Германии Герберта Бакке под названием «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими» («12 Gebote(n) für das Verhalten der Deutschen im Osten und die Behandlung der Russen»). Чиновникам оккупационной администрации данная инструкция внушала, в частности: «Поскольку вновь добытые районы должны быть завоеваны для Германии и Европы надолго, решительно многое будет зависеть от вашего поведения. Вы должны сознавать, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы. Поэтому вы должны проводить с достоинством самые жесточайшие и самые беспощадные мероприятия, которых вызываются государственной необходимостью. Недостатки характера каждого из вас в отдельности приведут принципиально к вашей отставке. Те из вас, которые получают отставку по таким причинам, не смогут больше занимать в стране ответственные посты»³⁵.

Немецкие военнослужащие, совершавшие преступления на территории СССР, подлежали ответственности по советским уголовным законам и в советских судебных органах. Однако для привлечения к уголовной ответственности руководителей фашистской Германии и правительственных чиновников необходимо было создавать международный суд и устанавливать особый порядок производства действий, необходимых для судебного разбирательства (таких, как выдача обвиняемых, расследование, составление обвинительного заключения, допросы в суде, вынесение и исполнение приговоров и т.д.).

³⁵ Документы и материалы, использованные при подготовке проекта циркулярной ноты «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 7. Д. 72. Л. 11.

Но прежде всего требовалось выработать общепризнанное и соответствовавшее новым реалиям, возникшим в результате нападения фашистской Германии на Советский Союз, понимание сущности и основных признаков *международного преступления*.

Неудачная попытка привлечения по окончании Первой мировой войны державами-победительницами к уголовной ответственности за преступления против гражданского населения Франции кайзера Германской империи Вильгельма II показывала, что понятие “международное преступление” существовало в то время лишь на бумаге и никакого практического значения оно не имело. Этот опыт был учтен при разработке советской доктрины международного преступления. Не случайно А.Н. Трайнин уделил ему несколько страниц в своей книге “Уголовная ответственность гитлеровцев”³⁶.

В первые дни разразившейся 28 июля 1914 г. мировой войны Вильгельм II писал своему союзнику австрийскому императору Францу-Иосифу: «Моя душа разрывается на части, но все это нужно предать огню и крови, перерезать горло мужчинам, женщинам, детям и старикам, нельзя оставить стоящими ни одного дерева, ни одного дома. С помощью этих методов террора, единственных, способных утешить такой выродившийся народ, как французы, война закончится раньше, чем через два месяца, в то время как, если исходить из гуманитарных соображений, она может затянуться на годы. Несмотря на все мое отвращение, мне пришлось выбрать первую систему»³⁷.

Это признание германского кайзера оказалось совсем не преувеличением. Предложенные им для быстрой победы абсолютно преступные способы ведения войны действительно применялись немецкими военными. Многочисленные факты применения указанной системы были установлены специальными следственными комиссиями, созданными в Бельгии, Великобритании, Франции. В России Государственная Дума создала такую комиссию 9 апреля 1915 г. Она именовалась “Чрезвычайной Следственной

³⁶ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 16–19, 34.

³⁷ “Mon âme se déchire, mais il faut tout mettre à feu et à sang, égorger hommes, femmes, enfantset vieillards, ne laisser debout ni un arbre, ni une maison. Avec ces procédés de terreur, les seuls capables de frapper un peuple aussi dégénéré que le peuple français, la guerre finira avant deux mois, tandis que si j'ai des égards humanitaires, elle peut se prolonger pendant des années. Malgré toute ma répugnance, j'ai donc dû choisir le premier système” (L'affaire Hohenzollern. Le Point de droit // La Figaro. 1919. № 20. Lundi 20 Janvier. P. 1).

Комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками”³⁸.

11 ноября 1918 г., сразу после того, как представители стран Антанты и Германской империи заключили соглашение о перемирии, премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж, выступая от имени своего правительства, сказал: “Кайзер должен предстать перед судом. Война была преступлением. Кто в этом сомневается? Это было ужасное, чудовищное преступление. Это было преступление в том смысле, в каком оно было спланировано, в той преднамеренной жестокости, с которой оно было спровоцировано. Оно являлось также преступлением по своей сути... Несомненно, война была преступлением!”³⁹.

28 июня 1919 г. воевавшие стороны подписали в Версале мирный договор. 10 января 1920 г. Версальский договор вступил в силу после его ратификации Великобританией, Германией, США и Францией. Статья 227, открывавшая в этом договоре седьмую часть под названием “Санкции”, была посвящена привлечению бывшего германского императора к ответственности. Она гласила:

«Союзные и Объединившиеся Державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров.

Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты.

Он будет состоять из пяти судей, назначенных каждой из пяти следующих Держав, а именно: Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией.

Суд будет судить по мотивам, внушенным высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали.

³⁸ Документы данной комиссии были опубликованы в сборнике: «Зверства немцев в войну 1914—1918 гг. (Из документов Первой мировой войны)» (Предисловие академика Е.В. Тарле. Л., 1943).

³⁹ «The Kaiser must be prosecuted. The war was a crime. Who doubts that? It was a frightful, a terrible crime. It was a crime in the way in which it was planned, in the deliberate wantonness with which it was provoked. It was also a crime in its action... Surely the war was a crime!» (Цит. по: *Sellars K. The First World War, Wilhelm II and Article 227: The Origin of the Idea of 'Aggression' In International Criminal Law // The Crime of Aggression: A Commentary. Vol. 1. Cambridge, 2017. P. 21*). Вильгельм II в то время юридически еще являлся императором, хотя за два дня до этого рейхсканцлер Максимилиан Баденский объявил о его отречении от престола, а днем ранее кайзер отправился на поезде в Нидерланды просить там убежища.

Ему будет надлежать определить наказание, которое по его суждению должно быть применено.

Союзные и Объединившиеся Державы обратятся к Правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего императора в их руки для того, чтобы он был судим»⁴⁰.

15 января 1920 года премьер-министр Франции Жорж Клемансо обратился в правительство Нидерландов с просьбой о выдаче Вильгельма, объяснив ее обязанностью держав Антанты обеспечить исполнение статьи 227 «не позволив себе участвовать в спорах», потому что это вопрос не имеет отношения к публичному обвинению судебного характера, но вытекает из «высокой международной политики, навязанной совестью мира» («high international policy imposed by the conscience of the world»). Правительство Нидерландов заявило, что не может присоединиться к этому акту высокой международной политики, поскольку руководствуется только законами и традициями своей страны. Согласно им Нидерланды всегда служили убежищем для тех, кто был побежден в интернациональных конфликтах, и нет оснований отступить от этого порядка в деле бывшего германского императора Вильгельма II.

На повторное обращение 14 февраля 1920 года представителя Антанты с той же просьбой нидерландское правительство дало более аргументированный ответ. В нем обращалось внимание на то, что статья 227 Версальского договора вступила в силу 10 января 1920 года и предусмотренное ею деяние, выражающееся в «высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров», отсутствовало до этого момента в перечне наказуемых посягательств, предусмотренных законами Нидерландов или договорами ею заключенными. «Это новое преступление ранее не было предусмотрено и уголовным законодательством сторон, требующих выдачи»⁴¹.

Рассматривая этот случай, А.Н. Трайнин обратил внимание на два аргумента, выдвинутого правительством Нидерландов в качестве основания для отказа выдать бывшего германского императора международному правосудию: «Первое условие для выдачи — это, чтобы преступление, по поводу которого требуется выдача, было предусмотрено законом или договорами». «Никто не может наказать иначе, как на

⁴⁰ Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника под ред. проф. Ю.В. Ключникова и Андрея Сабанина. М., 1925. С. 83.

⁴¹ Цит. по: Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 34.

основании закона, ранее изданного и опубликованного»⁴². Оценивая приведенные аргументы, советский правовед заявил: «Эта аргументация порочна: если Версальский договор — достаточное правовое основание для суда над Вильгельмом и его сообщниками, то прямое указание договора на их ответственность за злодеяния, совершенные в 1914—1918 гг., — такое же достаточное основание для признания обратной силы за этими постановлениями Версальского договора и, следовательно, для устранения в данном случае самой дискуссии об обратной силе закона»⁴³.

На самом деле аргументы, выдвинутые против выдачи бывшего германского императора были довольно весомыми. Правительство Нидерландов ссылаясь на принципы, которые в то время признавались универсальными правовыми нормами в правовой культуре всех цивилизованных народов. В Итальянском уголовном кодексе, принятом в 1930 году, эти нормы были изложены в первых двух статьях, гласивших: «Никто не может быть наказан за действие, которое не предусмотрено законом определенно в качестве преступного, ни подвергнут наказанию, не установленному законом». «Никто не может быть наказан за действие, которое по закону времени его совершения не составляло преступного деяния»⁴⁴.

Обвинение, предъявленное бывшему германскому императору, по сути, не содержало действительного состава преступления. Оскорбить «международную мораль» было невозможно, поскольку такое явление отсутствовало в человеческом обществе. Но даже если допустить, что международная мораль действительно существует, то ее оскорбление, пусть и самое высшее, ее нарушение, пусть и грубейшее, как вообще оскорбление и нарушение любой морали, не может считаться уголовным преступлением.

Непонятым было и вмененное Вильгельму II публичное оскорбление «священной силы договоров». В чем здесь обвинялся император? В несоблюдении договоров или в их резкой критике — поношении? В любом случае это не было преступлением.

И совсем выходило за рамки юридического здравого смысла предоставление суду, который только еще предполагалось создать, правомочия самому определить наказание для бывшего германского императора.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / перевод проф. М.М. Исаева. М., 1941. С. 3.

В свете таких формулировок в первом и четвертом пунктах статьи 227 ее второй пункт выглядел просто издевательским: бывшему германскому императору давалось обещание судить, «обеспечив ему существенные гарантии права защиты». Если это обещание предполагалось выполнить, то, следовательно, ни о каком осуждении Вильгельма II не могло быть и речи: защита легко разбивала обвинительное заключение, опирающееся на столь странные основания, которые невозможно было признать сколько-нибудь разумными. И бывший германский император, совершивший действия, которые с точки зрения нормального человеческого правосознания являлись тяжкими уголовными преступлениями, не понес бы никакого юридически обоснованного наказания, даже если бы правительство Нидерландов передало его международному правосудию.

Выводы, которые вытекали из всей этой истории с неудачным обвинением, выдвинутым против бывшего германского императора победившими в Первой мировой войне державами Антанты, были чрезвычайно важны для разработки юридических оснований привлечения к уголовной ответственности руководителей германского рейха.

Факты о преступлениях немецко-фашистских завоевателей на территории нашей страны, собранные к апрелю 1942 года, а также документы, обнаруженные в немецких армейских штабах, захваченных при наступлении советскими войсками, убедительно доказывали, что вооруженными силами и карательными органами Германии проводилась заранее спланированная и направлявшаяся из Берлина широкомасштабная политика уничтожения нашего народа. Однако для привлечения инициаторов и организаторов этой бесчеловечной политики к уголовной ответственности недостаточно было одного стремления их наказать, осуществив справедливое возмездие. Необходимо было, чтобы действия руководителей германского рейха, составляющие содержание данной политики, признавались преступлениями по международному праву, входили в понятие международного преступления.

А это предполагало создание нового международного правопорядка — такого, при котором действия руководителя государства, направленные на захват и ограбление какой-либо страны, уничтожение того или иного народа, не имели бы никакого оправдания с точки зрения международного права, но по общему признанию считались бы самыми тяжкими преступлениями, какие только могут быть совершены в человеческом обществе. И соответственно персоны,

приватизировавшие государственную власть и превратившие ее в орудие преступлений, рассматривались бы как чрезвычайно опасные преступники.

Только при таком условии предотвращалась главная опасность преступной политики руководства германского рейха для человеческого общества, а именно превращение ее в распространенную, постоянно повторяющуюся на мировой арене практику.

Еще одним весьма значимым для разработки доктрины международного преступления уроком неудачной попытки привлечения бывшего германского императора к уголовной ответственности было ее противоречие общепризнанному принципу «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» («нет преступления, нет наказания, если они не установлены законом»)⁴⁵. Выдача Вильгельма II международному правосудию не состоялась потому, что был нарушен данный принцип. Судебный процесс над ним также оказывался под большим вопросом из-за несоблюдения этого принципа.

В свете этого опыта нетрудно было увидеть, что новая юридическая конструкция международного преступления будет также противоречить принципу «*nullum crimen, nulla poena sine lege*». Это означало, что при ее создании необходимо было предусмотреть убедительные доводы для придания международно-правовому акту, в котором она будет изложена, обратной юридической силы.

Разработка доктрины международного преступления и юридических оснований для привлечения руководителей германского рейха к уголовной ответственности предполагала сотрудничество государственных деятелей и правоведов стран антигитлеровской коалиции. В любом случае предать таких лиц международному суду за совершенные ими преступления Советское государство могло лишь при содействии других держав, прежде всего США и Великобритании.

* * *

Между тем реакция правительственных кругов Великобритании и США на сообщенные советским правительством факты массовых и жестоких преступлений германского вермахта была удивительно сдержанной. 22 октября 1941 года посол

⁴⁵ Данный принцип имеет и другую формулировку, немного отличающуюся смыслом: *Nullum crimen sine lege; nullum crimen sine poena* (нет преступления, не установленного законом; нет преступления без наказания).

США в Великобритании Джон Уайнант сообщил телеграммой своему государственному секретарю Корделлу Халлу: «Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве рассматривает ситуацию, сложившуюся в результате репрессий, осуществляемых немецкими властями на оккупированных территориях Европы, и, в частности, в связи с распространяющейся практикой расстрела заложников якобы в отместку за акты сопротивления населения этих территорий. Правительство Его Величества пришло к выводу, что следует официально обратить внимание на эту ситуацию и что, возможно, было бы целесообразно опубликовать коллективную декларацию относительно действий Германии. В то же время правительство Его Величества считает, что на данном этапе было бы нецелесообразно заявлять в такой декларации о каких-либо конкретных угрозах применения возмездия»⁴⁶.

25 октября 1941 года президент США, получив известие о расстреле немцами во Франции группы заложников, сделал следующее заявление: «Нацисты могли бы извлечь урок из прошлой войны, что дух людей невозможно сломить с помощью терроризма. Вместо этого они создают свое "жизненное пространство" и "новый порядок" на таких страшных глубинах ужаса, к которым даже они сами никогда раньше не приближались. Это действия отчаявшихся людей, которые в глубине души знают, что им не победить. Устрашение никогда не принесет мира в Европу. Оно лишь сеет семена ненависти, которые однажды принесут страшное возмездие»⁴⁷. В чем это возмездие будет воплощаться Рузвельт не пояснил.

В тот же день, поддерживая заявление из Вашингтона, высказался и премьер-министр Великобритании. Но и он ничего не сказал, какое наказание должны понести за свои преступления нацисты. «Правительство Его Величества полностью разделяет чувства ужаса и осуждения, выраженные Президентом Соединенных Штатов в связи с нацистскими бойнями во Франции, — сообщил Черчилль. — Эти хладнокровные казни невинных людей лишь обличают дикарей, которые отдают приказы и казнят их. Бойни во Франции являются примером того, что творят гитлеровские нацисты во многих других странах, находящихся под их игом.

⁴⁶ The Ambassador in the United Kingdom (Winant) to the Secretary of State. London, October 22, 1941 // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 (In Seven Volumes). Vol. 1. General. The Soviet Union. Washington, 1958. P. 445.

⁴⁷ The President Denounces the Nazi Murder of French Hostages. October 25, 1941 // The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. [Vol. 10]. The call to battle stations, 1941. New York, 1950. P. 433.

Зверства в Польше, Юго-Восточной Азии, Норвегии, Голландии, Бельгии и, прежде всего, за немецкими фронтами в России превосходят все, что было известно с самых мрачных и звериных времен человечества. Они являются лишь репетицией того, что Гитлер учинил бы над британским и американским народами, если бы только смог прийти к власти. Возмездие за эти преступления отныне должно стать одной из главных целей войны»⁴⁸.

13 января 1942 года в Лондоне в Сент-Джеймском дворце состоялась конференция представителей 9 стран, оккупированных фашистской Германией (Бельгии, Греции, Нидерландов, Люксембурга, Норвегии, Польши, Франции, Чехословакии, Югославии). В качестве наблюдателей на конференции присутствовали представители Великобритании, СССР, США, Китая и британских доминионов. Конференция приняла декларацию, которая была специально посвящена оценке преступлений Германии в оккупированных странах с точки зрения международного права. В этом документе были, в частности, сделаны следующие выводы:

1. Германия с начала нынешнего конфликта, возникшего в результате ее агрессивной политики, установила в оккупированных странах режим террора, проявляющегося в массовых арестах и высылках, казнях заложников и массовых убийствах.

2. Подобные насилия совершаются также союзниками и соучастниками Германии, а в некоторых странах — сообщниками оккупантов.

3. Международное право и, в частности, Гагская конвенция 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны не разрешает воюющим сторонам совершать в оккупированных странах акты насилия над гражданским населением, прекращать действия законов или уничтожать государственный строй и обычаи этих стран.

⁴⁸ «His Majesty's Government associate themselves fully with the sentiments of horror and condemnation expressed by the President of the United States upon the Nazi butcheries in France. These cold-blooded executions of innocent people will only recoil upon the savages who order and execute them. The butcheries in France are an example of what Hitler's Nazis are doing in many other countries under their yoke. The atrocities in Poland, in Yugoslavia, in Norway, in Holland, in Belgium and above all behind the German fronts in Russia surpass anything that has been known since the darkest and most bestial ages of mankind. They are but a foretaste of what Hitler would inflict upon the British and American peoples if only he could get the power. Retribution for these crimes must henceforward take its place among the major purposes of the war» (Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. P. 447).

4. Насилия, совершаемые над гражданским населением, находятся в противоречии с общепринятыми взглядами цивилизованных народов в отношении военных действий и политических преступлений.

Констатировал эти факты, представители оккупированных стран заявили:

– что принимают к сведению декларации, сделанные по этому вопросу президентом США и премьер-министром Великобритании 25 октября 1941 г.;

– что «объявляют одной из своих основных целей войны наказание, путем организованного правосудия, тех, кто виновен и ответственен за эти преступления, независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме»;

– что «исполнены решимости, в духе международной солидарности, проследить за тем, чтобы виновные и ответственные, какова бы ни была их национальность, были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы, и чтобы вынесенные приговоры были приведены в исполнение»⁴⁹.

Этот документ был принят представителями стран, не являвшихся сколько-нибудь значимой силой в антигитлеровской коалиции. Более того, промышленность, материальные и людские ресурсы этих стран использовались в интересах германского рейха. Тем не менее данная декларация имела определенное политическое значение. В ней провозглашалось одной из основных целей войны наказание военных преступников путем «организованного правосудия».

Советское правительство тоже стремилось к этому, считая суд над виновниками постигшей человечество страшной катастрофы в виде Второй мировой войны необходимым дополнением к военному разгрому фашистской Германии и ее сателлитов.

3

Международно-правовое значение состоявшейся в Лондоне 13 января 1942 года конференции представителей девяти оккупированных фашистской Германией европейских стран не ограничивалось принятием Декларации о наказании гитлеровцев и их соучастников за совершаемые ими преступления. Весьма важными по смыслу были и заявления находившихся в изгнании глав правительств этих девяти государств.

⁴⁹ Декларация союзных стран, оккупированных Германией, о наказании гитлеровцев и их соучастников за совершаемые ими преступления // Правда. 1942. № 15 (8786). 15 января. С. 4.

Так, глава греческого правительства в изгнании, юрист по образованию Эммануил Цудерос затронул в своей речи вопрос, который впоследствии постоянно поднимался при определении уголовной ответственности за военные преступления граждан нацистского государства. Он отметил, что в условиях тоталитарных политических режимов, когда искажается система человеческих ценностей, происходит обожествление насилия и войны, все феномены человеческого поведения приобретают коллективный характер. И у преступников появляется соблазн оправдать свои злодеяния тем, что они действовали по приказам вышестоящего начальства. Цудерос резко выступил против размывания индивидуальной ответственности в таких случаях. «Это правда, — сказал он, — что коллективное безумие и страсть действительно являются мощными стимулами, но они не устраняют полностью в каждом индивидууме инстинкт самосохранения; этот инстинкт можно использовать. Отныне мясникам, тюремщикам и мародерам всех мастей более не будет позволено по отдельности избегать ответственности под благовидным предлогом того, что они действовали по приказу свыше. Появился новый принцип международного уголовного права. Это, несомненно, поможет предотвратить в некоторой степени дальнейшие злодеяния»⁵⁰.

Новым принципом международного уголовного права премьер-министр Греции назвал провозглашенное в декларации от 13 января 1942 года требование привлекать немецких военнослужащих к уголовной ответственности за преступления по отношению к гражданскому населению, «независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме»⁵¹.

Наиболее интересной на конференции была речь премьер-министра Чехословакии в изгнании теолога по образованию Яна Шрамека. Он заявил: «Преступления, совершенные Германией и ее сателлитами, не имеют аналогов в мировой истории. Это не обычные случайные преступления, вызванные состоянием войны и, как следствие, деградацией нормального поведения, которая является прискорбным следствием любой войны. Напротив, речь идет о

⁵⁰ Speeches by the Delegates and Guests // Punishment for War Crimes : The Inter-Allied Declaration Signed at St. James's Palace, London on 13th January 1942, and Relative Documents. London, 1942. P. 10.

⁵¹ Декларация союзных стран, оккупированных Германией, о наказании гитлеровцев и их соучастников за совершаемые ими преступления. 13 января 1942 г. С. 4.

проистекающей из духа пангерманизма и нацистской идеологии преступной кампании, которая хорошо продумана и заранее тщательно подготовлена. Немецкий народ подготавливался к этой кампании на протяжении многих десятилетий. Вера в превосходство немецкой расы, которой все дозволено по отношению к другим нациям; тщеславный дух господства и экспансии, требующий для Германии господства над целым миром; лозунги “кровь и почва”, “кровью и мечом”, — а это всегда означает кровь других людей, но никогда кровь немцев, — были внушены немецкой нации ее лидерами и в конечном итоге стали евангелием немецкого народа. Результатом всего этого стала преступная кампания, проводимая Германией в неограниченных масштабах в оккупированных странах»⁵² (выделено мной. — В.Т.).

Представленная в данном заявлении характеристика преступных действий германского вермахта по отношению к гражданскому населению оккупированных стран в полной мере соответствовала той оценке, которая давалась таким преступлениям в нотах наркомата иностранных дел СССР о злодеяниях немецко-фашистских завоевателей на захваченных ими территориях нашей страны. В этих документах подчеркивалась необычность данных преступлений, их запрограммированность немецкой нацистской идеологией с ее культом избранности немецкого народа, отмечалась их чрезвычайная жестокость и массовость, обращалось внимание на факты, показывающие, что данные преступления были не отдельными случайными эксцессами, но явно выражали собой заранее спланированную и тщательно продуманную политику истребления русского народа и других народов нашей страны.

⁵² «The crimes committed by Germany and her satellites have no counterpart in the history of the world. It is not a question of mere occasional crimes due to the existence of a state of war and the consequent deterioration of normal behaviour which are the deplorable consequences of every war. On the contrary, what is in question is criminal campaign well thought out and prepared in advance down to the smallest detail and springing from the spirit of pan-Germanism and Nazi ideology. The German people have been prepared for this campaign during many decades. The belief in the superiority of the German race to whom everything is permissible vis-à-vis the nations; the vain spirit of domination and expansion demanding for Germany supremacy over the whole world; the slogan “blood and soil” and by “blood and the sword” — and that always means the blood of others, never German blood — have been impressed upon the German nation by its leaders and have ended by becoming the gospel of the German people. The result of all this is the criminal campaign undertaken on an unlimited scale by Germany in the Occupied Countries» (Ibid. P. 8–9).

Этот взгляд на преступления руководителей и военнослужащих фашистской Германии не был умозрительным, проистекавшим из какой-либо уголовно-правовой теории или доктрины. Он опирался на многочисленные свидетельства и документы, являлся результатом осмысления ужасных реалий новой мировой войны. В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге, который был оглашен 30 сентября 1946 года, было выражено именно такое понимание международного преступления. Сделанное премьер-министром Чехословакии Яном Шрамеком 13 января 1942 года заявление о том, что «преступления, совершенные Германией и ее сателлитами, не имеют аналогов в мировой истории», повторено почти дословно в приговоре Нюрнбергского трибунала 1946 года. В разделе, посвященном военным преступлениям и преступлениям против человечества, констатировалось: «Остается истинной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождалась жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить. Не может быть никакого сомнения в том, что большинство этих преступлений возникло из нацистской идеи “тотальной войны”, лежавшей в основе ведения агрессивных войн, поскольку в этой идее “тотальной войны” моральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Все подчиняется всеподавляющим требованиям войны. Правила, установления, заверения и договоры — все не имеет никакого значения, и, освободившись от ограничивающего влияния международного права, агрессивная война велась нацистскими руководителями самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета»⁵³.

Юридические основания новой доктрины международного преступления и первые предначертания органа международного правосудия, воплощением

⁵³ Приговор международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Том 8. М., 1999. С. 612—613. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946. Vol. 22. Proceedings. 27 August 1946—1 October 1946. Nuremberg, 1948. P. 469—470.

которого стал Нюрнбергский международный военный трибунал 1945–1946 гг., стали формироваться уже в 1942 году.

После разгрома германских войск под Москвой в правительственных кругах Великобритании и США началось активное обсуждение вопросов, связанных с политикой этих держав в послевоенный период. 22 декабря 1941 года государственный секретарь США Корделл Халл направил президенту Рузвельту записку о создании консультативного комитета по послевоенной внешней политике (The Advisory Committee on Post-War Foreign Policy)⁵⁴. 12 февраля 1942 года данный комитет собрался на свое первое заседание⁵⁵.

По словам Харли Ноттера, специально изучавшего историю организации и деятельности созданного в США в начале 1942 года консультативного комитета по послевоенной внешней политике, это был «действующий орган национального масштаба, в состав которого входили специально подготовленные государственные служащие и частные лица. Его целью было изучение мировых проблем, представляющих интерес для Соединенных Штатов, и представление через государственного секретаря президенту рекомендаций по американской послевоенной политике»⁵⁶.

Одной из главных мер, которые требовалось осуществить для создания по окончании военных действий устойчивого международного правопорядка, было формирование новой, соответствовавшей реалиям Второй мировой войны, доктрины международного преступления и процедур предания суду военных преступников. 13 июня 1942 года в рамках консультативного комитета по послевоенной внешней политике США был создан подкомитет для обсуждения вопросов международного билля о правах человека и наказания за совершение военных преступлений. Однако на практике данный орган занимался лишь темой прав человека, а проблема наказания за военные преступления впервые была вынесена на обсуждение его участниками лишь 11 марта 1943 года.

С 19 по 25 июня 1942 года в Вашингтоне проходила американо-британская конференция, во время которой Рузвельт передал Черчиллю меморандум о

⁵⁴ The Secretary of State to President Roosevelt. Washington, December 22, 1941 // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. (In Seven Volumes). Vol. 1. General. The Soviet Union. Washington, 1958. P. 594–595.

⁵⁵ [Notter H.A.] Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Washington, 1949. P. 78.

⁵⁶ Ibid. P. 69.

создании комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям. Текст этого документа показывает, что данная комиссия наделялась лишь просветительскими и пропагандистскими функциями, о наказании военных преступников говорилось в самых общих малозначащих выражениях. Перед комиссией не ставилась задача разработать доктрину международного преступления или решить проблемы привлечения военных преступников к судебной ответственности. Комиссия должна требовалось «авторитетное описание злодеяний, совершенных немцами и японцами в Лидице, Польше, Нанкине, Гонконге и других местах», что должно было: «а) способствовать информированию народа Соединенных Штатов о природе наших врагов, побуждая нас к новым усилиям по их уничтожению, и б) служить сдерживанию тех, кто совершает злодеяния, называя их имена и давая им понять, что **за ними наблюдает цивилизованный мир, который в день расплаты назначит быстрое и справедливое наказание**»⁵⁷ (выделено мной. — В.Т.).

Данный меморандум содержал предложение создать международную комиссию по расследованию преступлений военнослужащих и руководителей Германии и Японии в рамках антигитлеровской коалиции. В ее состав предполагалось включить людей «с мировой репутацией честных и способных оценить доказательства». Согласно меморандуму, эта комиссия должна была: «а) расследовать злодеяния путем дачи показаний, допроса очевидцев и оценки всех других имеющихся или доступных для исследования доказательств; и б) периодически сообщать объединенным нациям о расстрелах и нанесении увечий заложникам и заключенным, избиваниях и пытках женщин и детей и других нарушениях основных прав человека»⁵⁸.

Уинстон Черчилль поддержал эти предложения и по возвращении в Лондон сформировал «Комитет военного кабинета по обращению с военными преступниками» («War Cabinet Committee on the Treatment of War Criminals») под председательством лорда-канцлера Джона Саймона. В состав комитета был включен бывший посол в СССР Стаффорд Криппс, занимавший в то время должность лорда — хранителя печати. В члены данного комитета был приглашен

⁵⁷ Memorandum Prepared by Mr. Harry L. Hopkins for President Roosevelt // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942 (In Seven Volumes). Vol. 1. The British Commonwealth. The Far East. Washington, 1960. P. 56.

⁵⁸ Ibid. P. 56 — 57.

и американский посол Джон Уайнант. 5 августа 1942 года он сообщил об этом своему президенту, указав, что данный комитет создан для изучения проблем, поднятых в меморандуме⁵⁹.

Главной причиной, побудившей руководителей США и Великобритании принять первичные меры для упорядочения сбора сведений о преступлениях военнослужащих Германии и Японии на оккупированных ими территориях, был нараставший поток информации об ужасающих злодеяниях оккупантов. В перечне мест, где совершались наиболее страшные преступления против гражданского населения, меморандум Рузвельта не упоминал оккупированные территории Советского Союза⁶⁰, но совсем не случайно первым в этом перечне стояло название чешской деревни Лидице. 10 июня 1942 года немцы в отместку за убийство в Праге протектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха уничтожили эту деревню, расстреляв всех мужчин (172 чел.) и отправив на погибель в концентрационный лагерь Равенсбрюк 195 женщин и 98 детей.

Резкое увеличение к лету 1942 года масштаба и жестокости преступлений германских властей против гражданского населения наблюдалось не только на территории Советского Союза, но и в странах Восточной Европы. Это побуждало их правительства в изгнании к активным действиям против преступной политики германского рейха по отношению к гражданскому населению оккупированных территорий. Декларация о наказании за военные преступления, принятая 13 января 1942 года являлась только первым шагом в этом направлении. Назвав в ней

⁵⁹ The Ambassador in the United Kingdom (Winant) to President Roosevelt. London, August 5, 1942 // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942. P. 48.

⁶⁰ Следует признать, что в правительственных кругах США и Великобритании сообщения о чудовищных злодеяниях, творившихся немецко-фашистскими захватчиками по отношению к гражданскому населению на оккупированных территориях, не вызывали какого-либо сочувствия и часто просто игнорировались. В американских и британских газетах об этом вообще сообщалось мало и очень редко. В записке наркомму В.М. Молотову от 15 мая 1943 г. заместитель наркома С.А. Лозовский писал о западной политике сознательного замалчивания германских преступлений в нашей стране. По его сведениям, направленные Наркоматом иностранных дел СССР на протяжении 1941–1943 гг. в иностранные посольства и миссии, аккредитованные в России, четыре ноты о массовых и жестоких преступлениях германских военных властей на захваченных советских территориях, остались без ответа, в том числе и со стороны Великобритании и США. «Ни один посланник союзных с нами стран не высказался публично по этому вопросу», — писал заместитель наркома своему руководителю (Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 8. Д. 73. Л. 23).

в качестве «одной из своих основных целей войны наказание, путем организованного правосудия, тех, кто виновен и ответственен за эти преступления», представители оккупированных стран умолчали о том, каким образом такое требование могло быть осуществлено и что конкретно означали слова «организованное правосудие (justice organisée)». В Декларации провозглашалось, что разысканы, переданы в руки правосудия и судимы с приведением вынесенных приговоров в исполнение будут виновные и ответственные лица, «какова бы ни была их национальность». Требовалось, следовательно, создать соответствующие органы международного правосудия и подготовить юридические основания для их функционирования, что предполагало в первую очередь разработку доктринальных основ международного правосудия и международного преступления.

В Советском Союзе научные исследования по этой теме были развернуты весной 1942 года под руководством первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского, то есть при поддержке государственной власти. Они дополнялись соответствующими организационными мерами по сбору сведений и документов о преступлениях нацистов на оккупированных территориях нашей страны. Результаты этих работ отражались во внешнеполитических документах советского правительства. Интересы Советского государства, его внешнеполитические позиции, безусловно, учитывались правоведами при разработке доктрины международного преступления. Было очевидно, что послевоенный международный порядок следовало устроить так, чтобы исключалась возможность организации новой мировой войны, появление на международной арене сил, для которых жизненно важным условием существования является разгром и разграбление нашей страны, ее уничтожение как особой цивилизации и самостоятельного субъекта международных отношений.

В рамках международного альянса, который составили правительства оккупированных европейских стран, нашедшие прибежище в Лондоне, разработка юридических оснований международного правосудия и доктрины международного преступления могла проводиться лишь под эгидой общественной организации. И такая организация была создана в период подготовки Декларации о наказании за военные преступления.

В составе обосновавшихся в Лондоне правительств в изгнании было довольно много людей с юридическим образованием. Кроме того, в столице Великобритании оказалось немало ученых-правоведов из оккупированных стран.

14 ноября 1941 года они собрались на конференцию в Кембриджском университете и учредили Международную комиссию по восстановлению и развитию системы уголовного наказания (International Commission for Penal Reconstruction and Development)⁶¹. Участниками конференции были министры юстиции Бельгии, Люксембурга, Норвегии, Франции, Югославии, юридический советник министра юстиции Греции, председатель военного суда Бельгии, председатель Нидерландского морского суда и другие. На конференции присутствовала группа руководителей и ведущих профессоров-правоведов Кембриджского университета.

В резолюции об учреждении данной комиссии было указано, что она создается на постоянной основе, чтобы «сформулировать согласованные принципы, которые могут быть применены при реконструкции и последующем развитии системы уголовного наказания», и будет действовать при поддержке факультета уголовно-правовых наук (Department of Criminal Science) Кембриджского университета, а председатель факультета займет пост председателя Комиссии⁶².

Ведущие правоведы Кембриджа, таким образом, включались в работу Комиссии⁶³. Среди них особенно выделялся Герш Лаутерпахт (Hersch Lauterpacht, 1897 – 1960), авторитетный специалист по международному праву.

Предполагалось, что комиссии будет работать преимущественно в формате конференций, тематика которых охватит не только международное уголовное право, но и уголовные законодательства различных стран. Однако именно преступные деяния, обозначавшиеся термином «war crime» («военные

⁶¹ Протокол данной конференции опубликован в издании: *Proceedings of the Conference Held in Cambridge on the 14th November, 1941, Between Representatives of Nine Allied Countries and of the Department of Criminal Science in the University of Cambridge // Canadian Bar Review. 1942. Vol. 20. № 3. P. 212 – 241.*

⁶² *Ibid.* P. 220.

⁶³ Протокол конференции, на которой была учреждена данная Комиссия, показывает, что в ней приняли участие почти все профессора факультета уголовно-правовых наук Кембриджского университета, а кроме них по приглашению профессор юриспруденции Оксфордского университета Артур Гудхарт (A.L. Goodhart). См.: *Ibid.* P. 214

преступления»), стали главным объектом изучения лондонской Международной комиссии по восстановлению и развитию системы уголовного наказания.

К июню 1942 года комиссией был подготовлен первоначальный вариант определения военных преступлений, основу которого составил Г. Лаутерпахт. Он дал следующую характеристику военным преступлениям: «Военные преступления (war crimes) могут быть должным образом определены как такие нарушения законов войны, которые являются преступными в обычном и общепринятом смысле основополагающих правил ведения войны и общих принципов уголовного права по причине их отвратительности, жестокости, безжалостного пренебрежения к неприкосновенности человеческой жизни и личности, или потребности вмешательства в права собственности, которое не связано с разумно обоснованными требованиями военной необходимости»⁶⁴.

Как видим, данное определение имело скорее этический, чем юридический характер. Оно не способствовало пониманию истинной юридической природы той разновидности преступных деяний, которыми совершались военными служившими Германии по отношению к гражданскому населению на оккупированных ими территориях. Эти деяния представляли собой феномен, который явно не укладывался в понятие «военные преступления» — здесь был уместнее термин «преступления против человечности». В определении Г. Лаутерпахта не раскрывалась глубинная сущность преступлений германского вермахта и вождей германского рейха, а именно — органическая связь этих злодеяний с нацистским мировоззрением, внушающим индивиду чувство превосходства по отношению к другим людям и соответственно нежелание соблюдать во взаимоотношениях с окружающими элементарные правила морали и простые приличия.

15 июля 1942 года Международная комиссия по восстановлению и развитию системы уголовного наказания одобрила на своей конференции резолюцию по вопросу о предпочтительном порядке привлечения к уголовной ответственности военных преступников. В ней утверждалось: «Хотя многие члены Комиссии придерживаются мнения о том, что настало время для учреждения

⁶⁴ Цит. по: History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War. London, 1948. P. 95.

международного уголовного суда, они полагают, что большинство военных преступлений подпадает под юрисдикцию местных судов»⁶⁵.

На самом деле большинство преступлений, совершившихся Германией и ее сателлитами на захваченных ими территориях, были слишком необычными по своему характеру, и поэтому выбор местных судов для их надлежащего рассмотрения был явно неудачным. Однако если речь шла только о возмездии, то не было большой разницы в том, какой суд вынесет преступникам смертный приговор.

21, 23 и 30 июля 1942 года в правительства Великобритании, СССР и США были переданы вербальные ноты правительств девяти оккупированных Германией европейских стран, чьи представители подписали 13 января 1942 года Декларацию о наказании за военные преступления. Тексты нот были сходны по содержанию и немного различались по форме изложения.

В них утверждалось, что «акты угнетения и терроризма захватчиков в последнее время приобрели такой размах и приняли такие формы, что возникает опасение, что по мере приближения поражения вражеских стран оккупационный режим будет приобретать все более варварский и беспощадный характер, не исключая истребления целых групп людей». Поэтому «было бы напрасно теперь полагаться исключительно на влияние общественного мнения. Никакое чувство ответственности больше не будет сдерживать действия захватчиков. Стороны, подписавшие межсоюзническую декларацию от 13 января 1942 года⁶⁶, убеждены поэтому, что только очень решительные шаги могущественных союзников могут оказать сдерживающее влияние»⁶⁷.

В текст ноты для советского правительства, переданной в Куйбышеве 23 июля 1942 года чехословацким министром иностранных дел и представителем

⁶⁵ "That, while many members held that the time was ripe for the institution of an international criminal court, they considered that the majority of war crimes would come within the jurisdiction of the municipal courts" (Interim Report of 15th July 1942 // History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War. P. 96).

⁶⁶ В нотах, представленных правительствам СССР и США здесь вместо "стороны, подписавшие Межсоюзническую декларацию от 13 января 1942 года", употреблено словосочетание "упомянутые выше правительства".

⁶⁷ Note Verbale, presented to a British Government. 21 July, 1942 // Punishment for War Crimes. Collective Notes Presented to the Governments of Great Britain, the U.S.S.R. and the U.S.A, and relative correspondence. London, 1942. P. 3. Note Verbale, presented to the Soviet Government. 23 July, 1942 // Ibid. P. 4. Note Verbale, presented to the United States Government. 30 July, 1942 // Ibid. P. 8.

французского Национального комитета первому заместителю наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, было включено напоминание о том, что в нескольких нотах наркома иностранных дел господина Молотова «разоблачались в глазах цивилизованного мира ужасные преступления, которые советский народ вынужден героически выносить на своей захваченной земле»⁶⁸.

Первым на вербальную ноту о необходимости сделать решительные шаги для обуздания немецко-фашистских преступников откликнулся Франклин Рузвельт. 21 августа 1942 года президент США выступил со специальным заявлением, в котором сообщил: «Правительству Соединенных Штатов с некоторых пор уже известно об этих преступлениях. Наше правительство постоянно получает дополнительную информацию [о них] из надежных источников и приветствует сообщения из любого заслуживающего доверия источника, способные дать нам больше актуальной и достоверной информации и подтверждений. Объединенные Нации намереваются победить в этой войне. Когда победа будет достигнута, целью правительства Соединенных Штатов, как, я знаю, и целью каждой из Объединенных Наций, станет надлежащее использование информации и свидетельств в отношении этих варварских преступлений захватчиков в Европе и Азии. Представляется только справедливым предупредить их о том, что настанет время, когда им придется предстать перед судебными органами тех самых стран, которые они сейчас угнетают, и ответить за свои действия»⁶⁹.

7 октября 1942 года Рузвельт выступил с новым и более решительным заявлением о необходимости судебного преследования военных преступников. Напомнив содержание своего заявления от 21 августа, он объявил, что

⁶⁸ Note Verbale, presented to the Soviet Government. 23 July, 1942. P. 4.

⁶⁹ «The Government of the United States has been aware for some time of these crimes. Our Government is constantly receiving additional information from dependable sources and it welcomes reports from any trustworthy source which would assist in keeping our growing fund of information and evidence up to date and reliable. The United Nations are going to win this war. When victory has been achieved, it is the purpose of the Government of the United States, as I know it is the purpose of each of the United Nations, to make appropriate use of the information and evidence in respect to these barbaric crimes of the invaders, in Europe and in Asia. It seems only fair that they should have this warning that the time will come when they shall have to stand in courts of law in the very countries which they are now oppressing and answer for their acts» (Statement Warning Against Axis Crimes in Occupied Countries, August 21, 1942 // The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. [Vol. 11]. 1942. Humanity on the defensive. Washington, 1950. P. 330).

правительство США намерено сделать все так, чтобы «успешное завершение войны включало в себя выдачу Объединенным Нациям военных преступников». Президент дал обещание «сотрудничать с британским и другими правительствами в создании Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений» для «установления ответственности виновных лиц путем сбора и оценки всех имеющихся доказательств». Он отметил, что «количество лиц, которые в конечном счете будут признаны виновными, несомненно, окажется крайне малым по сравнению с общей численностью вражеского населения», поскольку ни американское правительство, ни правительства союзников США «не намерены прибегать к массовым репрессиям». «Мы намерены, — заявил Рузвельт, — добиться, чтобы главари, ответственные за организованное убийство тысяч невинных людей и совершение зверств, нарушающих все догматы христианской веры, понесли справедливое и неотвратимое наказание»⁷⁰.

Уинстон Черчилль вместо прямого ответа на вербальную ноту правительств оккупированных Германией европейских стран просто поддержал заявление Франклина Рузвельта от 21 августа 1942 года. Выступая 8 сентября в Палате общин, британский премьер-министр завершил свою речь следующими словами: «Когда в Европе настанет час освобождения, а он настанет, это будет также час возмездия. Я хотел бы, в частности, чтобы правительство Его Величества и Палата общин выразили солидарность с торжественными словами, которые недавно произнес президент Соединенных Штатов, а именно с его заявлением о том, что те, кто виновен в преступлениях нацистов, должны будут предстать перед трибуналами в каждой стране, где были совершены их злодеяния, для того, чтобы

⁷⁰ «I now declare it to be the intention of this Government that the successful close of the war shall include provision for the surrender to the United Nations of war criminals. With a view to establishing responsibility of the guilty individuals through the collection and assessment of all available evidence, this Government is prepared to cooperate with the British and other Governments in establishing a United Nations Commission for the Investigation of War Crimes. The number of persons eventually found guilty will undoubtedly be extremely small compared to the total enemy populations. It is not the intention of this Government or of the Governments associated with us to resort to mass reprisals. It is our intention that just and sure punishment shall be meted out to the ringleaders responsible for the organized murder of thousands of innocent persons and the commission of atrocities which have violated every tenet of the Christian faith» (The President Announces the Plan to Try Nazi War Criminals. October 7, 1942 // Ibid. P. 410).

грядущие эпохи получили неизгладимое предостережение, и чтобы последующие поколения людей могли сказать: “Да сгинут все, кто снова совершит подобное”»⁷¹.

Палата лордов британского парламента рассмотрела на заседании 7 октября 1942 года вопрос о наказании за военные преступления. Основной доклад сделал виконт Моэм (Maugham). Он напомнил, что «преступления, совершенные Германией в этой войне, были более многочисленными, более ужасными и более масштабными, чем в прошлой войне, особенно против поляков и русских, греков и чехов», что итальянцы также совершали ужасные преступления в странах, оккупированных их армиями, и что призыв к наказанию звучит повсеместно. Размышляя о том, какие меры в сложившейся ситуации следует предпринять, британский виконт сказал: «Если мы не хотим, чтобы преступникам позволили уйти безнаказанными, нам следует предусмотреть суды для их рассмотрения и все необходимые механизмы для этого. Нам надо решить, должны ли эти суды быть военными или обыкновенными судебными органами, и если да, то не должны ли преступления, насколько это возможно, рассматриваться национальными судами стран, граждане которых были убиты или ранены, или же следует создать **большой международный суд** для рассмотрения. во всяком случае, значительного числа таких дел»⁷² (выделено мной. — В.Т).

Признав, что Великобритания и Соединенные Штаты Америки не слишком пострадали от преступлений германского вермахта и потому не так озабочены

⁷¹ «When the hour of liberation strikes in Europe, as strike it will, it will also be the hour of retribution. I wish most particularly to identify His Majesty's Government and the House of Commons with the solemn words which were used lately by the President of the United States, namely, that those who are guilty of the Nazi crimes will have to stand up before tribunals in every land where their atrocities have been committed in order that an indelible arning may be given to future ages, and that successive generations of men may say, “So perish all who do the like again”» (*Churchill W. The War Situation. September 8, 1942. House of Commons // Winston S. Churchill. His Complete Speeches. 1897–1963. Vol. 6. 1935–1942. New York, London, 1974. P. 6675*).

⁷² «If the criminals are not to be allowed to escape scot free, we must provide Courts to try them and all the necessary machinery for doing so. We must make up our minds whether the Courts should be Military Courts or Legal Courts and, if the latter, whether the crimes as far as possible should not be tried by the national Courts of the countries whose nationals have been killed or injured, or whether a great International Court should be set up to try at any rate a substantial number of these cases» (*The Parliamentary Debates. Fifth Series. Vol. 124. House of Lords. Official Report. Seventh Session of the Thirty-Seventh Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 5 and 6 George VI. Fourth Volume of Session 1941–42, comprising period from 28th July, to 10th November, 1942. London, 1942. Column 561*).

вопросом наказания военных преступников, как Россия, Польша, Греция, Чехословакия и Югославия, виконт Моэм предложил обсудить вопрос о том, не было бы «более удобным, более удовлетворительным и, в конечном счете, более справедливым, если бы страны Восточной Европы создали свой собственный международный трибунал для разбирательства дел о серьезных преступлениях против законов и обычаев войны, совершенных против их собственных граждан, в то время как преступления, совершенные в Западной Европе, включая Голландию, Бельгию и Норвегию, рассматривались бы отдельным международным трибуналом»⁷³.

Лорды в своих выступлениях по докладу виконта Моэма одобрили его предложение о международном трибунале для рассмотрения определенной категории международных преступлений, но при этом указали на трудности создания такого судебного органа. Так, лорд Эддисон (Addison) заметил, что для организации международного трибунала требуется соглашение между союзными нациями и издание специальных согласованных между ними правовых актов⁷⁴. Виконт Сесил Челвуд (Cecil Chelwood) сказал: «Я также согласен с тем, что для рассмотрения определенных видов преступлений должен быть создан международный трибунал», но для этого, добавил он, следует тщательно обсудить вопрос, «как именно должен быть создан этот международный трибунал и какие преступления должны им рассматриваться»⁷⁵.

* * *

14 октября 1942 года ответ на полученную 23 июля ноту правительств европейских стран, захваченных Германией, дало советское правительство. Отметив, что весь советский народ относится с чувством братской солидарности и с глубокой симпатией к страданиям и к освободительной борьбе народов оккупированных гитлеровской Германией стран Европы, советское правительство заявило, что сообщенные в полученном им коллективном обращении «сведения о зверствах гитлеровских оккупантов и их сообщников снова подтверждают повсеместный и предумышленный характер их кровавых преступлений, свидетельствуя о том, что немецко-фашистское правительство и его сообщники, стремящиеся поработить народы оккупированных стран, разрушить их культуру

⁷³ Ibid. Column 562.

⁷⁴ Ibid. Column 568.

⁷⁵ Ibid. Column 576.

и унижить национальное достоинство, поставили себе также целью прямое физическое истребление значительной части населения на захваченной территории»⁷⁶.

Напомнив, что в нотах наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова от 25 ноября 1941 года, от 6 января и 27 апреля 1942 года уже заявлялось о том, что «гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свобододлюбивых народов», советское правительство заверило, что остается непреклонным в этом своем стремлении, и после ознакомления с информацией о чудовищных злодеяниях, совершенных и совершаемых гитлеровцами по приказу правительства и военных и гражданских властей Германии на оккупированных территориях Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, «настоящим вновь заявляет во всеуслышание, со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свобододлюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками»⁷⁷.

Далее советское правительство, выразив одобрение провозглашенному в полученной им коллективной ноте законному стремлению «обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров», заявило, что готово «поддержать направленные к этой цели практические мероприятия союзных и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории»⁷⁸.

⁷⁶ Заявление советского правительства. 14 октября 1942 г. // Документы внешней политики СССР. 1942. Том 25. Кн. 2. 1 июля – 30 декабря 1942 г. Тула, 2010. С. 265.

⁷⁷ Там же. С. 267.

⁷⁸ Там же.

Самыми главными в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 года были следующие слова: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»⁷⁹.

Название возможного суда над вождями фашистского германского рейха как «специального международного трибунала» означало, что основные контуры юридической модели их ответственности в Кремле уже определили. Но доктрина международного преступления, соответствующая ужасным реалиям Второй мировой войны, к тому времени еще не была создана.

Очевидно, что такая доктрина должна была разрабатываться прежде всего на материале фактов о преступлениях нацистов, совершенных на территории Советского Союза. По масштабу и жестокости преступления нацистов на территории нашей страны намного превосходили подобные деяния, совершавшиеся на оккупированных немцами территориях других стран.

4

Выдвигая в заявлении от 14 октября 1942 года требование *безотлагательного* предания суду международного трибунала и наказания по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся в распоряжении государств, борющихся против фашистской Германии, советское правительство исходило из того, что преступления каждого из них настолько очевидны, что нет необходимости проводить длительное их расследование, они настолько чудовищны, что справедливым было бы как можно быстрее обрушить на преступников суровое наказание. «Всему человечеству, — отмечалось в заявлении, — уже известны имена и кровавые злодеяния главарей преступной гитлеровской клики — Гитлера, Геринга, Гесса, Геббельса, Гимmlера, Риббентропа, Розенберга и других организаторов немецких зверств из числа руководителей фашистской Германии. Советское правительство считает, что оно, так же как и правительства всех государств, отстаивающих свою независимость от гитлеровских орд, обязано рассматривать суровое наказание этих уже избалованных главарей преступной гитлеровской шайки как неотложный долг

⁷⁹ Там же. С. 267–268.

перед бесчисленными вдовами и сиротами, родными и близкими тех невинных людей, которые зверски замучены и убиты по указаниям названных преступников»⁸⁰.

Сталин полагал, что заместитель Гитлера по нацистской партии Рудольф Гесс, содержащийся после прилета в Великобританию в заключении как военнопленный, вполне мог быть привлечен к судебной ответственности еще во время войны, но британское правительство не торопилось предавать его суду.

15 октября 1942 года глава британского внешнеполитического ведомства Энтони Иден, оценивая заявление советского правительства о наказании военных преступников, сказал в беседе с советским послом в Лондоне И.М. Майским, что существуют веские технические аргументы против создания специального международного трибунала, дело же Гесса вообще не подходит для рассмотрения в нем, поскольку Гесс находился в Англии с 10 мая 1941 года, а самые страшные злодеяния, включая все такие преступления в России, были совершены после этой даты⁸¹.

Более того, в правительственных кругах Великобритании в то время преобладало мнение о целесообразности наказания главарей германского фашистского рейха за их преступления не преданием суду и не на основе приговора международного трибунала, а *исключительно путем политического решения* руководителей стран антигитлеровской коалиции. До разрешения этого разногласия разработка доктрины международного преступления, предназначенной создать юридические основания для привлечения руководителей фашистских государств к уголовной ответственности, не имела большого смысла.

⁸⁰ Заявление советского правительства. 14 октября 1942 г. // Документы внешней политики СССР. 1942. Том 25. Кн. 2. 1 июля – 30 декабря 1942 г. Тула, 2010. С. 267. В газете “Правда” это заявление было опубликовано 15 октября 1942 г.

⁸¹ Это довольно странное, но весьма важное высказывание Э. Идена приводится в издании: Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 2. London, 1971. P. 277–278. (“Mr. Eden added that there were strong technical arguments against the establishment of a special international tribunal and that Hess was not a good case on which to make a start, since he had been in England since May 10, 1941, and the worst atrocities, including all those in Russia, had been committed since that date”). К сожалению, И.М. Майский не вел в то время свой дневник, а в воспоминаниях ничего не упомянул об этом чрезвычайно интересном разговоре с Иденом.

19 октября 1942 года в газете «Правда» была опубликована в качестве передовицы статья «Преступную гитлеровскую клику к ответу!», в которой нежелание британского правительства привлечь главарей фашистской Германии и прежде всего Рудольфа Гесса к судебной ответственности было подвергнуто довольно резкой критике. Статья начиналась с констатации главного факта, побуждавшего советское правительство настаивать на немедленном предании суду членов гитлеровской клики, оказавшихся в руках объединенных наций: «Кровавые злодейские преступления гитлеровских палачей и их сообщников, с беспрецедентной жестокостью и чисто немецкой холодной расчетливостью и методичностью изо дня в день истребляющих массы ни в чем не повинных людей на захваченных землях, наполняют сердца свободолюбивых народов гневом, ненавистью и возмущением, жаждой мести за разрушенные города и села, за бесчисленные убийства женщин, детей, стариков, за поруганную честь, за бесстыдные издевательства и истязания мирных жителей»⁸².

Были приведены и юридические аргументы в поддержку идеи безотлагательного суда над нацистскими преступниками. «Основной принцип уголовного права, и в равной мере и международного уголовного права, говорит об обязательности возможно более сократить промежуток времени, отделяющий момент совершения преступления от момента рассмотрения судом дела об этом преступлении и вынесения приговора. Нет решительно никаких оснований допускать из этого совершенно бесспорного и общепризнанного правила какие-либо исключения для дел о гитлеровских убийцах, подлежащих суду международного трибунала. Нельзя поэтому согласиться с высказываемым некоторыми английскими деятелями мнением, что по поводу идеи о безотлагательном суде над главарями гитлеровской шайки, попавшими в руки любого из союзных правительств, можно якобы столько же сказать за эту идею, как и против нее. Идея безотлагательного суда — ясная идея, и против нее ничего нельзя сказать, если не отрывать от живой действительности, от требований истерзанных гитлеровским иглом народных масс оккупированных германскими войсками стран, от требования нашего долга перед жертвами гитлеровского палачества, перед самими собой»⁸³.

⁸² Правда. 1942. № 292 (9063). 19 октября. С. 1.

⁸³ Там же.

В статье утверждалось, что избавление Гесса от суда международного трибунала на все время войны создаст возможность рассматривать одного из самых кровавых гитлеровских преступников «не как преступника, а как представителя другого государства, как посланца Гитлера». В связи с этим британскому правительству предлагалось установить, наконец, «кем является в настоящее время Гесс — преступником ли, подлежащим суду и наказанию, или полномочным представителем гитлеровского правительства в Англии, пользующимся неприкосновенностью?»

Статья отвергала распространенное в британском истеблишменте мнение о том, что прибытие Рудольфа Гесса в Англию в форме германского летчика превратило его чуть ли не в обыкновенного «военнопленного»: «Стоило только всем известному преступнику Гессу одеть мундир гитлеровского летчика и прилететь в Англию, и он будто бы уже может рассчитывать на возможность укрыться от суда международного трибунала, уйти от немедленной ответственности за свои бесчисленные преступления, превратить, таким образом, Англию в место убежища для гангстеров»⁸⁴.

Необычно резкий тон статьи являлся в какой-то мере реакцией советского руководства на затягивание британским правительством открытия второго фронта против фашистской Германии и невыполнение им своих обязательств по отношению к главному союзнику.

Продемонстрированное Иденом в разговоре с Майским 15 октября 1942 года нежелание британского правительства привлечь пребывавшего в Англии заместителя Гитлера Рудольфа Гесса к суду международного трибунала за преступления руководства фашистской Германии приобрело в свете этих фактов особо оскорбительный для нашей страны характер.

Выраженное в опубликованной 19 октября в газете «Правда» статье подозрение в том, что британское правительство дает Гессу возможность укрыться от суда международного трибунала, превращая, таким образом, Англию в место убежища для гангстеров, было вполне адекватным ответом на это оскорбление.

Правительство Великобритании в свою очередь не могло не отреагировать на такие заявления в центральной партийной газете Советского Союза.

⁸⁴ Там же.

21 октября 1942 года Энтони Иден, отвечая в Палате общин на вопрос парламентария и журналиста Томаса Дриберга о том, «согласится ли он с предложением Советского правительства немедленно предать суду нацистского лидера Гесса», сказал: «Нет, сэ. Советское правительство не делало подобного предложения правительству его величества. По нашему мнению, нет никаких оснований применять к Гессу режим, отличный от того, который в настоящее время разрабатывается Объединенными Нациями для обращения с военными преступниками, где бы они ни находились... Возможно, мне следует добавить, что с момента пленения Гесса, которое, как помнит Палата, произошло 10 мая 1941 года, и до нападения Германии на Советскую Россию с Гессом обращались как с военнопленным. Никогда не было и не может быть речи о том, чтобы обращаться с ним как с посланником или предоставить ему какой-либо дипломатический или привилегированный статус. Все заинтересованные стороны могут быть уверены в этом»⁸⁵.

В день выхода статьи в газете «Правда» Сталин направил в Лондон послу Майскому телеграмму, в которой сообщил: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга⁸⁶ за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу

⁸⁵ «No, Sir. No such suggestion has been made by the Soviet Government to His Majesty's Government. In our judgment there is no cause to apply to Hess treatment other than that now being elaborated by the United Nations for dealing with war criminals, wherever they may be... I should perhaps add that from the moment of Hess's capture, which event as the House will recall took place on 10th May, 1941, and before Germany's attack upon Soviet Russia, Hess has been treated as a prisoner of war. There has never been nor can there be any question of treating him as an envoy or of giving him any form of diplomatic or privileged status. All concerned may rest assured of this» (The Parliamentary Debates. Fifth Series. Vol. 383. House of Commons. Official Report. Seventh Session of the Thirty-Seventh Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 5 and 6 George VI. Eight Volume of Session 1941–42, comprising period from 28th July, to 10th November, 1942. London, 1942. Column 1943). Текст этого заявления приводится в сборнике документов «СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы» (М., 2012. С. 89–90), но в переводе его на русский язык, к сожалению, допущены существенные смысловые ошибки.

⁸⁶ Сталин имел в виду Генриха Брюнинга (1885–1970), рейхсканцлера Германии с 30 марта 1930 г. по 30 мая 1932 г.

о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то, что он безусловно мог это выполнить. Прошу сообщить Ваши соображения»⁸⁷.

Майский ответил 22 и 24 октября двумя довольно большими шифротелеграммами общим объемом в 26 страниц⁸⁸. Представленная в них характеристика политики Черчилля по отношению к нашей стране и общая оценка антифашистского военно-политического альянса трех держав показывают, что разногласия между правительствами Великобритании и СССР по вопросам наказания руководителей фашистских государств за международные преступления не являлись случайными. Эти разногласия лишь отчасти были обусловлены сложностью юридических проблем, которые надлежало решить, прежде чем привлекать международных преступников к уголовной ответственности. В основе конфликтов между Великобританией и СССР лежало расхождение интересов их держав. И Сталин, и Майский хорошо это понимали, но по-разному оценивали то общее, что связывало эти две державы.

Советский посол не согласился с тем, что премьер-министр Великобритании держит курс на поражение СССР. «Я не думаю, — сообщил Майский, — чтобы Черчилль сознательно ставил себе такую цель»⁸⁹. И далее 14 страницах шифротелеграммы Иван Михайлович изложил Иосифу Виссарионовичу свои аргументы в подтверждение этой оценки: «Поражение СССР неизбежно означало бы конец Британской империи»⁹⁰, «настроения широких масс, особенно рабочих... крайне антифашистские»⁹¹, «вся экономическая жизнь Англии сейчас перестроена на войну. С войной связаны интересы и дивиденды крупнейших капиталистических

⁸⁷ Шифротелеграмма И. В. Сталина послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 19 октября 1942 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 374. Д. 2543. Л. 7.

⁸⁸ Шифротелеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского И.В. Сталину. 22 октября 1942 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 8. П. 2. Д. 7. Л. 353–339. Шифротелеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского И.В. Сталину. 24 октября 1942 г. (продолжение шифротелеграммы от 22 октября). 24 октября // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 8. П. 2. Д. 7. Л. 366-356.

⁸⁹ Шифротелеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского И.В. Сталину. 22 октября 1942 г. Л. 353.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Л. 351.

компаний. Перспективы прекращения войны очень многих из них страшит»⁹², «в последнее время в кругах английской буржуазии ослабел страх перед возможностью “большевизации”»⁹³, Черчилль «давно кипит самыми бешеными антигерманскими чувствами»⁹⁴.

Майский, проанализировав отношение британского премьер-министра к Советскому Союзу и к войне с Германией, был уверен, что «сознательно Черчилль не держит курса на поражение СССР (и стал бы искренне возмущаться, если бы его стали в этом обвинять), но проводимая им политика объективно могла бы способствовать такому результату»⁹⁵. При этом Майский признал, что «в Англии сейчас есть группы и течения, которые вполне сознательно стремятся к поражению СССР и сделке с Германией., но пока эти группы отсиживаются в политическом подполье, не пользуются большим влиянием и терпеливо ждут более благоприятной для них конъюнктуры»⁹⁶.

Оценивая сущность военно-политического альянса СССР, Великобританией и США, Майский констатировал, что никакой единой стратегии союзников не существует. «СССР ведет свою собственную войну, Англия и США – свою собственную, причем даже между Англией и США нет достаточно полного контакта»⁹⁷.

Сталин в ответе Майскому сообщил, что нашел в его соображениях много интересного и поучительного. Но тем не менее не изменил своего мнения о премьер-министре Великобритании. «Я все же думаю, – заметил Иосиф Виссарионович, – что, будучи сторонником легкой войны, Черчилль легко поддается влиянию тех, которые держат курс на поражение Сов[етского] Союза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Сов[етского] Союза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией. Конечно, англичане потом поймут, что без русского фронта на континенте Европы при

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Л. 350.

⁹⁴ Там же. Л. 349.

⁹⁵ Там же. Л. 341.

⁹⁶ Там же. Л. 340.

⁹⁷ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского И.В. Сталину. 24 октября 1942 г. Л. 360.

выходе Франции из строя они, т.е. англичане, обречены на гибель. Но когда они поймут это?»⁹⁸.

Вечером 5 ноября 1942 года британский посол А.К. Керр вручил председателю СНК СССР ноту, в которой содержался ответ на опубликованную в газете «Правда» 19 октября статью «Преступную гитлеровскую клику к ответу!» Правительство Великобритании сообщало в этой ноте, что не может найти никакого объяснения столь необычному действию со стороны союзного Советского правительства, которое выразилось в поощрении «этого публичного нападения на правительство его величества по вопросу обращения с Гессом» без предварительного обсуждения этой темы с правительством его величества «через дипломатические каналы». В конце ноты британское правительство выражало надежду, что «в будущем, если Советское правительство окажется в несогласии с правительством его величества по вопросу, подобному этому, оно не поколеблется искренне информировать правительство его величества об этом деле через дипломатические каналы с тем, чтобы возможно было найти урегулирование этого вопроса, и что оно воздержится тем временем от предания вопроса публичной полемике»⁹⁹.

В дополнение к данной ноте британский посол передал Сталину записку, в которой кратко описывалось пребывание заместителя Гитлера в Великобритании¹⁰⁰.

Но самый главный вопрос, обсуждавшийся на этой встрече, касался уголовной ответственности руководителей фашистских государств. Керр зачитал Сталину присланную из Лондона телеграмму Энтони Идена, заметив, что «что эти взгляды английского правительства пока еще не сообщены ни одному из заинтересованных правительств, и они доводятся конфиденциально до сведения только И.В. Сталина»¹⁰¹. Спросив Молотова, желает ли он иметь телеграмму

⁹⁸ Шифртелеграмма И. В. Сталина послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 28 октября 1942 г. АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 374. Д. 2543. Л. 38–39 (Автограф И.В. Сталина: 4 листа – красным карандашом, последние два листа – синим. – В.Т.).

⁹⁹ Нота Правительства Великобритании в связи со статьей в «Правде» от 19 октября, врученная А.К. Керром [5 ноября 1942 г.] И.В. Сталину. 3 ноября 1942 г. // СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: Сб. документов. М., 2012. С. 92–93.

¹⁰⁰ Нота британского посольства о Р. Гессе, врученная [5 ноября 1942 г.] А.К. Керром И.В. Сталину. 3 ноября 1942 г. // Там же. С. 90–92.

¹⁰¹ Запись беседы И.В. Сталина и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с А.К. Керром. 5 ноября 1942 г. // Там же. С. 98.

Идена в письменном виде, и получив утвердительный ответ, Керр пообещал прислать ему сегодня ее текст.

В телеграмме главы внешнеполитического ведомства Великобритании говорилось: «Мы не думаем, что было бы подходящим предавать официальному суду главных преступников, таких как Гитлер и Муссолини, поскольку их преступления и ответственность слишком велики, чтобы их можно было рассматривать в судебном порядке. Мы считаем, что вопрос об этих главных фигурах, к которым несомненно следует причислить и Гесса, должен быть разрешен политическим решением Объединенных Наций. По этой процедуре они могут быть наказаны столь же сурово и гораздо быстрее, чем в соответствии с какой-либо юридической процедурой»¹⁰².

Керр в разговоре со Сталиным пояснил, что суд над главарями фашистских государств он представляет себе «в виде решений, которые должны принять Сталин, Рузвельт и Черчилль, скажем, о том, что Гитлер должен быть повешен». Председатель СНК СССР ответил, что, «конечно, Сталин, Черчилль и Рузвельт могут высказать свое осуждение. Но если не будет суда над гитлеровскими главарями, то люди могут сказать, что Сталин, Черчилль и Рузвельт осудили гитлеровских главарей как своих противников»¹⁰³.

12 ноября 1942 года послам А.К. Керру в Москве и И.М. Майскому в Лондоне была передана нота советского правительства, обращенная к правительству Великобритании по поводу его претензий, высказанных по поводу статьи «Преступную гитлеровскую клику к ответу!».

¹⁰² «We do not think it will be found suitable to put on formal trial the outstanding criminals such as Hitler and Mussolini since their crimes and responsibilities are too great to be appropriate for treatment by legal procedure. Our view is that these outstanding figures, among whom Hess must no doubt be numbered, should be dealt with by a political decision of the United Nations. Under this procedure they could be punished just as severely and much more promptly than under any legal procedure» (Письмо английского посла А. Керра наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову с выдержкой из телеграммы премьер-министра Великобритании А. Идена о нецелесообразности привлечения к формальному суду А. Гитлера и Муссолини. 5 ноября 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 35). Русский текст этой телеграммы, опубликованный в издании «СССР и Нюрнбергский процесс. Известные и малоизвестные страницы истории: Сб. документов» (с. 101), является не вполне точным переводом на русский язык оригинального ее текста на английском языке.

¹⁰³ Запись беседы И.В. Сталина и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с А.К. Керром. 5 ноября 1942 г. С. 99.

10 ноября текст этой ноты был утвержден на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), что свидетельствует о большом значении, которое придавало указанному документу советское руководство. Было подчеркнуто, что статья в газете «Правда» «правильно отразила советское общественное мнение, отстаивая требование безотлагательного суда над главарями гитлеровской Германии, в том числе над Гессом, и выразив недовольство некоторыми высказываниями в английской печати, изображающими Гесса как военнопленного, что может означать, что Гесс как военнопленный будет возвращен в Германию и избежит суда и наказания. Выражая, таким образом, взгляды советских кругов, упомянутая статья, как это очевидно, не является заявлением Советского правительства, которое по указанному вопросу сделало свое официальное заявление уже 14 октября с.г. С другой стороны, вопреки утверждению британского меморандума от 3 ноября с.г., статья “Правды” не содержит никаких нападок на британское правительство, а выступает против некоторых английских деятелей, выразивших неприемлемые для советских кругов взгляды по поводу заявления Советского Правительства от 14 октября»¹⁰⁴. Под упомянутыми английскими деятелями подразумевался прежде всего Энтони Иден, заявивший 15 октября советскому послу Майскому об отсутствии юридических оснований для предания Рудольфа Гесса суду международного трибунала.

В ноте советского правительства от 12 ноября 1942 года были четко сформулированы три пункта его позиции по вопросу наказания руководителей фашистской Германии и ее союзников за совершенные преступления: «а) главари гитлеровской Германии и ее сообщники в Европе, оказавшиеся уже в процессе войны в руках одного из союзных правительств, подлежат наказанию как принадлежащие к числу главных виновников и преступников войны; б) наказание этих преступников войны не должно откладываться, а должно быть осуществлено теперь же, еще до окончания войны»; в) наказание этих преступников войны должно быть делом не одного какого-либо государства, а общим делом союзных государств, заинтересованных в осуществлении этого наказания»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: Сб. документов. С. 104.

¹⁰⁵ Там же. С 104 – 105.

24 ноября во время новой беседы с Молотовым британский посол А.К. Керр сообщил, что «если он правильно понимает взгляды своего и американского правительств, то он должен сказать, что оба правительства против организации суда над преступниками войны до окончания войны»¹⁰⁶. Отвечая на вопрос Молотова о том, кто должен вынести соответствующий приговор над преступниками войны, Керр, сказал, что «британское правительство изучает вопрос о том, чтобы предложить всем правительствам решить судьбу главных преступников войны не судом, а политическим решением, принятым Объединенными Нациями»¹⁰⁷ и попросил Молотова высказать в неофициальном порядке мнение советского правительства по этому вопросу.

Нарком иностранных дел СССР ответил: «По мнению советского правительства, решение этого вопроса следовало бы поручить международному трибуналу. Это было бы максимально объективным и беспристрастным способом решения вопроса об участии главных преступников войны в глазах всех народов. Другой, более подходящей формы для решения этого вопроса советскому правительству неизвестно. И если будут какие-либо предложения на этот счет, то они будут обсуждены. Но для советского правительства важно знать, откладывается ли этот вопрос до окончания войны или нет. Если этот вопрос откладывается, то вопрос о том, кто должен решить судьбу главных преступников войны, представляется малоактуальным для советского правительства. Если же этот вопрос не откладывается, то можно перейти к вопросу обсуждения формы органа для решения судьбы главных преступников войны. Этот орган, разумеется, должен быть авторитетным и представлять союзные правительства»¹⁰⁸.

11 декабря 1942 года заместитель главы британского Foreign Office А. Кадоган передал советскому послу Майскому меморандум правительства Великобритании об ответственности руководителей фашистских государств. В нем подтверждалось согласие с точкой зрения советского правительства, согласно которой главари гитлеровской Германии и ее сателлитов, оказавшиеся в ходе войны в руках

¹⁰⁶ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Великобритании в СССР А.К. Керром. 24 ноября 1942 г. // Документы внешней политики СССР. 1942. Том 25. Кн. 2. 1 июля – 30 декабря 1942 г. С. 374.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 375.

правительств стран антигитлеровской коалиции, подлежат уголовному наказанию. Однако британское правительство не поддержало мнение советского руководства о настоятельной необходимости привлечения главных преступников к уголовной ответственности еще до окончания войны, мотивируя данное решение тем, что «такого рода наказания могут повести к репрессиям против союзных военнопленных, политических заложников, находящихся в руках врагов, и даже против населения оккупированных территорий». Правительство Великобритании выступило также против выдвинутой советским руководством идеи создания международного трибунала для суда над главарями фашистских государств, утверждая, что эти преступники «должны быть осуждены не посредством судебного процесса, проводимого международным трибуналом, а путем совместного решения Объединенных Наций по окончании войны»¹⁰⁹.

Проект ответа советского правительства на этот меморандум британского кабинета министров был подготовлен в конце второй декады января 1943 года. Он начинался с констатации единства мнений двух правительств по ряду важнейших вопросов привлечения к уголовной ответственности руководителей фашистских государств¹¹⁰. После этого в документе сообщалось, что, ознакомившись с особым вниманием с соображениями британского правительства по вопросам времени и способе наказания главарей гитлеровской Германии и ее сообщников, обстоятельно изложенными в меморандуме от 11 декабря сего года, советское правительство не может с ними согласиться.

«Во-первых, советское правительство считает необходимым безотлагательное наказание гитлеровских главарей, так как это не только является законным требованием народов оккупированных гитлеровцами государств и территорий, но и, безусловно, послужит грозным предостережением всей гитлеровской клике. Немедленное расследование совершенных гитлеровскими главарями, такими, как Гесс, злодейских преступлений, немедленный суд над ним и суровое наказание, явились бы вместе с тем доказательством того, что на этот раз не будут повторены ошибки прошлой войны, и что главные зачинщики и организаторы чудовищных

¹⁰⁹ Меморандум правительства Великобритании. 11 декабря 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 20. Д. 221. Л. 5–6.

¹¹⁰ Проект ответа Советского Правительства на британский меморандум от 11 декабря 1942 г. [Не ранее 16 января 1943 г.] // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 05. П. 21. Д. 221. Л. 28.

преступлений не уйдут от справедливого суда и заслуженной ими суровой кары»¹¹¹.

Далее в проекте ответа заявлялось, что советскому правительству представляется безосновательным опасение британского правительства, полагающего, что немедленное наказание гитлеровских главарей может вызвать ответные репрессии в отношении населения оккупированных гитлеровскими властями территорий, военнопленных и других, и что оно не произведет глубокого и сильного впечатления. Ссылки на возможность усиления репрессий со стороны гитлеровцев не имеют оснований, поскольку «вряд ли можно представить себе какие-либо более жестокие и чудовищные репрессии, чем тот кровавый режим, какой применяют гитлеровцы уже сейчас, в течение всей войны, в отношении военнопленных и всего вообще населения захваченных гитлеровцами территорий. Эти соображения могли бы казаться особенно убедительными в отношении Советского Союза, известная часть территории которого находится еще под пятой оккупантов. Тем не менее, советский народ, который испытал все ужасы злодейских преступлений гитлеровских извергов, единодушно требует скорого и справедливого суда над виновниками и преступниками войны и наказания, не только как возмездия за совершенные гитлеровцами и их сообщниками преступления, но и как одного из наиболее действительных средств предотвращения таких преступлений в будущем»¹¹².

«Во-вторых, — отмечалось в рассматриваемом проекте ответа, — советское правительство не может согласиться с мнением британского правительства, что главари гитлеровской Германии и ее сообщников должны быть осуждены не судом международного трибунала в результате судебного процесса, а путем совместного политического решения правительств Объединенных Наций... Осуждение гитлеровских главарей путем совместного политического решения правительств может создать впечатление, что их осуждение является не наказанием преступников, а актом расправы с политическими противниками. Осуждение же гитлеровских главарей судом международного трибунала, действующего на основании общепринятых принципов международного права и имеющего возможность с исчерпывающей полнотой установить их ответствен-

¹¹¹ Там же. Л. 29.

¹¹² Там же. Л. 30.

ность, устранит всякие основания для подобного рода нежелательных толкований»¹¹³.

Формулируя это заявление, советское правительство опровергало утверждения британского правительства о том, что юридические аспекты организации и деятельности международного трибунала, создаваемого для суда над главарями фашистских государств очень сложны, а также выражало мнение уверенность в том, что вопросы о нормах и законах, которые при этом придется применять, о форме судопроизводства и т.д. вполне могут быть решены «на основе имеющихся международно-правовых положений»¹¹⁴. Что касается состава международного трибунала, советское правительство предлагало определить его «правительствам стран, участвующих в войне и несущих на себе тяжесть военных действий и преступлений оккупантов»¹¹⁵.

Приведенный текст ответа советского правительства на меморандум британского кабинета министров от 11 декабря 1942 года остался лишь проектом. На первом листе этого документа, хранящегося в Архиве внешней политики Российской Федерации, в верхней части простым карандашом рукой наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова начертано: «Идем на уступки брит[анскому] пр[авительст]ву, хотя считаем, что было бы лучше, чтобы наказ[ание] было немедл[енно] и через Межд[ународный] Тр[ибуна]л. Главное, что решать должны те страны, котор[ые] ведут войну и по-наст[оящему] постр[адали] от оккуп[анто]в»¹¹⁶.

Вместо этого текста британскому правительству был представлен 21 января 1943 года другой вариант ответа. В нем говорилось, что «Советское правительство, внимательно ознакомившись с меморандумом Британского правительства от 11 декабря 1942 г., с удовлетворением констатирует, что по ряду важных вопросов, касающихся наказания виновников и преступников войны в Европе, разногласия между советским и британским правительствами можно считать снятыми и что по этим вопросам точки зрения обоих правительств могут считаться согласованными.

¹¹³ Там же. Л. 30–31.

¹¹⁴ Там же. Л. 31.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. Л. 28.

Что касается вопросов о времени наказания гитлеровских главарей и об организации Международного трибунала, то, хотя, по мнению советского правительства, было бы более целесообразно немедленное, еще до окончания войны, наказание главарей гитлеровской Германии и ее сообщников путем предания их суду Международного трибунала, Советское правительство находит возможным, идя навстречу правительству Великобритании, не настаивать на своей точке зрения и согласиться с изложенными в британском меморандуме от 11 декабря 1942 г. предложениями по указанным выше вопросам»¹¹⁷.

Уступка, на которую пошли советские руководители, была чисто тактической: советское правительство сохраняло уверенность в необходимости безотлагательной организации суда над главарями фашистских государств, но сочло, что уже добилось от британского правительства самого главного, ради чего в октябре 1942 года вступило с ним в довольно острый конфликт. Так англичанами было признано:

во-первых, что главари гитлеровской Германии и ее сообщников, оказавшиеся уже в ходе войны в руках одного из союзных государств, ни при каких обстоятельствах не могут быть освобождены, не будут репатриированы после перемирия и непременно понесут наказание;

во-вторых, что наказание главных преступников войны должно быть общим делом правительств, заинтересованных в осуществлении этого наказания;

в-третьих, что все остальные преступники, исключая главарей, должны подлежать суду соответствующих национальных судебных органов стран, испытавших на себе ужасы оккупации фашистскими государствами;

в-четвертых, что необходимо включить в условия будущего перемирия указание о немедленном задержании и выдаче разыскиваемых преступников войны.

Это были первые элементы системы правосудия по международным преступлениям, утвердившиеся благодаря настойчивым дипломатическим усилиям Советского государства. Руководителям нашей страны не удалось еще добиться признания со стороны британского правительства необходимости создания международного трибунала для суда над руководителями фашистских

¹¹⁷ Меморандум правительства СССР правительству Великобритании. 21 января 1943 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Том 1. 1941–1943. С. 328–329.

государств, то есть главными военными преступниками. Но первые шаги в этом направлении, хотя и с большими трудностями, были сделаны.

В 1943 год Советский Союз вступал в ореоле победы в грандиозной Сталинградской битве. Благодаря военным успехам значительно более благоприятными, чем прежде становились и условия для побед на фронте дипломатическом, на арене международного правопорядка.